

А.В. Полозов

Офицерская
ЖИЗНЬ

6+

Алексей Полозов
Офицерская жизнь

«Автор»

2020

Полозов А. В.

Офицерская жизнь / А. В. Полозов — «Автор», 2020

Эта книга для тех, кто связал свою судьбу с армией или мечтает стать кадровым военным. В ней много фактов из событий, происходивших в нашей стране в лихими 90-е. Читатель узнает о действиях ВВ МВД РФ в зонах международных конфликтов, первой чеченской войне. Мои воспоминания как политработника помогут нынешним воспитателям в практической работе с личным составом и правильному выстраиванию отношений в разливных воинских коллективах. Книга посвящена офицерской жизни: сложной, трудной, но благородной по своему назначению - служению Отечеству.

© Полозов А. В., 2020

© Автор, 2020

ОТ АВТОРА

Мы всегда будем помнить наших товарищей, которые пожертвовали собой, защищая Россию, жизнь и покой наших граждан.

В. В. Путин

Я посвящаю свои воспоминания 75-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Своим сослуживцам, наставникам, командирам и политработникам, с кем прошагал 32 года во ВВ МВД СССР, родным и близким, которые всегда были рядом, помогали мне жить и служить своей Родине.

Цель этой книги в том, чтобы на собственном жизненном опыте рассказать о тяжелом труде офицерского корпуса ВВ МВД РФ, о бессонных ночах, тревогах. Об участии войск в разрешении межнациональных конфликтов, первой чеченской войне 1994—1996 гг., своих переживаниях при виде человеческой боли. Порой о собственных сомнениях в оценке тех событий, причинах, приведших к тяжким последствиям в жизни нашей страны.

Мне хотелось раскрыть роль и ответственность командиров, политработников, офицеров за принимаемые решения, их взаимоотношения, проблемы в повседневной жизни, в том числе на бытовом уровне. На моем жизненном пути встретились замечательные командиры-единоначальники: генерал-майор Н. С. Орлов, полковник Ф. Шпак, подполковники Н. В. Цицилин, М. И. Сливин, майор С. С. Чалей; политработники—участники ВОВ подполковники Иванов, Попов, заместители командиров—начальники политотделов полковник С. Н. Булычев, В. А. Таджикибаев и многие другие.

Работая над книгой, я еще раз пришел к твердому убеждению, что правильно выбрал профессию защитника Отечества. На своем примере убедился, как востребованы ВВ МВД РФ нашим обществом. Об этом говорил Президент РФ Владимир Путин, выступая на торжественном концерте, посвященном Дню Росгвардии: «Вы обладаете крепким кадровым составом и большим профессиональным опытом, необходимыми оперативными и техническими возможностями, и ваша прямая обязанность – максимально использовать этот огромный потенциал для защиты национальных интересов России, прав и свобод наших граждан».

ГЛАВА 1. Малая родина и мои воспитатели

В какое удивительное время мы живем! Человек все больше стремится обогнать время. Оглянувшись назад, мы уже не познаем мир, в котором родились, места, где прошло наше детство. В быстро меняющемся мире прошла наша жизнь, выросли наши дети, и уже у них подрастают свои дети, наши внуки и внучки. Особенно чувствуешь ускорение жизни, когда смотришь на своих внуков. Не успеваешь научиться говорить правильно и грамотно писать, не прочитаешь ни одной книжки сказок, они уже успешно освоили компьютер, сидят в соцсетях, едят друг другу эсэмэски. Мы смотрим цифровое телевидение, по улицам ездят машины-роботы. Роботы, которых создал человек, сегодня теснят его с рабочих мест. Именно в это время нужно остановиться, отдышаться и вспомнить, когда и где родился, кто именно тебя воспитал. Объяснить и научить людей ценить окружающий мир, человеческие ценности. Самая важная ценность, подаренная нашими родителями, – это жизнь. Поэтому люди на всех языках мира говорят о дружбе между народами, призывают беречь окружающую природу и делают всё, чтобы не допустить войны.

Мне, как человеку, прожившему более 70 лет, половину из них отдавшему службе в армии, как никому другому понятна ценность жизни и смерти. Выбрав профессию защитника Отечества, став кадровым военным, исколесившим СССР вдоль и поперёк, я хорошо усвоил

цену человеческого счастья: жить в мире и согласии между народами. Забыв на минуту об этой цене, мы, народ СССР, разрушили мир и покой в наших жилищах. Мы стали бояться своих соседей, а они нас. Все чаще слышим мы на Западе: «Россия утратила человеческие ценности. Россия – агрессор» и т. д. Наш народ сегодня понял, что без армии и флота нам не сберечь наш хрупкий мир. Общество вновь повернулось лицом к человеку в военной форме, и я горжусь тем, что выбрал правильную профессию защитника, и нисколько не жалею об этом. Вот почему я решил написать воспоминания об армейских буднях, проблемах, стоящих перед офицерским корпусом в деле защиты нашей России. Не могу не сказать, что на моем жизненном пути встречались замечательные боевые товарищи, иногда они были старше или младше меня, ровесники, фронтовики, и все они честно служили и верили, что никто, кроме них, не защитит нашу Родину от непрошенных гостей.

На мне и моем поколении людей, родившихся в 1946–1947 гг., большой отпечаток оставила война 1941–1945 гг. Миллионы фронтовиков возвращались в родные места, к своим женам, детям, любимым, на чьи плечи легли тяжелые трудовые будни. Именно они трудились день и ночь на заводах, фабриках, пахали, сеяли, убирали хлеб и, конечно, растили своих детей. Улицы оживали, все больше встречалось искалеченных войной мужчин, чью грудь украшали ордена и медали. Одиноким женщины искали своего суженого-ряженого, единственного. Другие, не найдя такого, заводили детей и свою любовь отдавали им.

Именно к такой группе женщин я отношу свою мать Надежду Георгиевну Полозову. Она выросла в многодетной семье, среди четырех братьев и сестер. У старшей сестры Нины была многодетная семья. Жили мы с мамой и моей бабушкой Хавроньей Назаровной Олейниковой значительное время с ее старшей дочерью. За стол садились десять человек, их всех надо было накормить, одеть, обучить. Трудились только глава семейства Панов Терентий и моя мама, долгие годы работавшая на Кропоткинском маслозаводе, затем на мелькомбинате. Изобилия на столе никогда не было, мясо птицы я видел лишь на праздниках, таких как Пасха, День Победы или 7 Ноября. В другие дни ели супы с картошкой, крупами и борщи. В моей памяти сохранилось такое блюдо, как тюря: кипяченая вода с хлебом, подслащенная сахаром. Самым вкусным бутербродом был черный хлеб, пропитанный постным маслом и сверху посыпанный крупной поваренной солью. В праздничные дни на хлеб намазывали маргарин, в особых случаях – сливочный маргарин.

Хозяин этой большой семьи установил жесткие правила поведения за столом, лучшее брал первым, потом другие взрослые и дети. Кто забывал, того ждало жуткое наказание, которое каждый из нас испытал на себе. Эта была плетка из акации длиной 60–70 см, лежавшая на двух гвоздях над входной дверью. Если она ломалась в ходе воспитательного процесса в руках дяди Терентия, виновник должен был вырезать новую и положить на место. Дядя Терентий был для своих детей извергом во всем. Напивался почти каждый день, и все взрослые разбегались кто куда. Когда он появлялся после очередной пьянки, то хватал в руки что попало: ломы, палки, сковородки – и запускал в окружающих. Все, спрятавшись, ждали, когда он утомится и заснет.

Вскоре мама и бабушка не выдержали, и мы ушли на съёмную квартиру, в которой прожили несколько лет. Старший брат мамы Михаил, фронтовик, и младший Владимир также не имели крыши над головой. Как-то на семейном совете, который проходил ежегодно на Пасху под эгидой моей бабушки, было принято решение взять три земельных участка и начать строительство своих домов. Благо строить было кому. Старший брат мамы Михаил был хорошим плотником, средний Александр и младший Владимир закончили ПТУ по профессии «каменщик» и имели хороший строительный опыт. Первую хату площадью 24 кв. м дети решили построить своей маме Хавронье Назаровне и сестре.

Со строительными материалами было несложно: глина и солома под рукой. Получив земельный участок шесть соток в 1955 г., залили фундамент и начали делать саманный кир-

пич. Вырыли углубление в земле по кругу в радиусе пяти метров, выгрузили глину, смочили водой и начали месить ногами, добавляя потихоньку солому. Получив нужный состав из глины и соломы, смесь выкладывали в специальную форму – станки на два самана 40x20 см. За один замес получалось 320–350 штук глиняных кирпичей. Через 3–5 дней их обтесывали топором, переворачивали на другую сторону и высушивали до нужного состояния. Затем складывали пирамидой. В этом полезном труде задействовали жен моих дядей, моих школьных друзей. Набрав нужное количество самана, построили первую хату и в 1956 г. справили новоселье. Таким же образом построили дома старшему и младшему братьям. Координатором и руководителем строительных работ была моя бабушка, и ее не могли ослушаться сыновья.

На моих глазах создавали семьи мамыны братья, и я видел, как тяжело было им, а моей маме с бабушкой еще тяжелее. В доме не хватало мужских рук, и у меня не было времени на взросление, надо было прощаться с детством и включаться во взрослую жизнь. Жизненные университеты я проходил под контролем бабушки, маму видел редко, она трудилась день и ночь. Длинными вечерами бабушка рассказывала про свою молодость, суровые будни Гражданской войны, революцию... Как у нас на Кубани казачество разделилось на белых и красных, сколько горя пришло на кубанскую землю, пока не установилась советская власть. Муж бабушки был крепким, зажиточным крестьянином, хопёрским казаком. Работал на себя, вел единоличное хозяйство и благодаря своему трудолюбию, будучи хорошим механиком, смог обеспечить свою многодетную семью куском хлеба. В период сплошной коллективизации семью деда раскулачили, самого его отправили в Сибирь, а бабушка с семьей детьми на руках осталась на селе. Перебывались абы чем, голодали, ходили на поля собирать оставшиеся после уборки колоски хлеба, клубни картошки. Но однажды ее задержали за этой работой и тоже посадили на два года. Старшей в семье осталась дочь Нина. Именно на ее плечи легла задача сохранить семью.

От голода умер один из братьев мамы, остальные выжили. Дед так и не вернулся из ссылки, и всю оставшуюся жизнь бабушка была нам и за отца, и за мать. Мои дяди и тетя были простыми советскими тружениками: каменщиками, столярами, уборщиками. Они жили честно и верили, что наступит время, и они будут жить в достатке, лишь бы не было войны. Но война пришла и в наш дом, в мою семью, на всю кубанскую землю. Старший брат мамы Михаил ушел на фронт, младшие братья трудились в колхозе. Мама стала трактористкой, пахала, сеяла, собирала кубанский хлеб, пекла караваи, которые отправляли на фронт. Михаил попал в плен и не мог простить Сталину того, как он обошелся с фронтовиками, попавшими в плен, автоматически сделав их врагами Родины. Попытки бабушки, братьев и сестер убедить его не мучить себя были напрасными, плюс он работал на вредном производстве и вскоре умер.

Я рос, мужал, встречал своих дядьев с армейской службы, слушал их рассказы, и все больше мне хотелось стать военным, защищать свою семью. По моей просьбе бабушка перешивала военную форму уволенных из армии дядьев, и я носил ее. Сначала я был артиллеристом, как дядя Саша, затем стал танкистом. Параллельно увлекся чтением художественной литературы о буднях нашей разведки, работе сотрудников уголовного розыска и следователей. Вскоре я твердо решил, что судьба предназначала мне быть защитником.

Родился я в городе Кропоткине Краснодарского края 29 марта 1946 г. в день теплого Алексея, и бабушка сказала: «Быть тебе Алексеем». Чуть позже она называла меня «утюжком», так как я излучал тепло, был отзывчив к окружающим, был всегда готов прийти на помощь. По гороскопу я Собака, то есть защитник. Активно занимался спортом: футболом, волейболом, баскетболом, стрельбой. Ходил в спортивную школу, в тир, вел активную общественную жизнь. Ко мне стали прислушиваться товарищи в школе, незаметно для себя стал лидером на улице, где вырос, в школе, где меня избрали школьным бригадиром и секретарем комитета ВЛКСМ, а позднее начальником штаба комсомольского патруля города Кропоткина.

В школе на выделенных землях мы посадили школьный сад. С группой одноклассников выращивали шелкопряд. Коконсы сдали, получили по тем временам неплохие деньги, часть из них пустили на закупку стульев для школьного зала. На этом моё трудовое воспитание не закончилось. Осенью всех школьников с 7-го по 11-й класс на месяц отправляли в села для оказания помощи в уборке урожая. Как правило, убирали кукурузу, свёклу, помидоры, капусту и очень редко арбузы. Жили в спартанских условиях, в непригодных помещениях, где невозможно было просушить обувь, принять душ. Многие девочки в таких условиях простывали, и их отправляли домой. К моим домашним университетам по трудолюбию бабушка добавила сбор в лесопосадках абрикосов, сливы-терновки. Собирали оставшиеся после уборки урожая кукурузу, семечки, картофель. Всё это собирали в мешки и отвозили на велосипеде домой для дальнейшей сортировки бабушкой. Велосипед был все школьные годы надёжным помощником в решении всех хозяйственных задач. Помню и по сей день марки этих велосипедов: ХТЗ (Харьковский танковый завод), ПТЗ (Пензенский тракторный завод). Именно эти марки велосипедов были самыми надёжными.

С 9-го класса у нас началось производственное обучение на подшефном химзаводе по профессии. Девочки обучались на лаборантов, мальчики получали профессию слесаря КИПа. Химзавод был большим предприятием, где выпускали спирт и кормовые дрожжи для сельского хозяйства. Мне запомнилось несколько интересных, порой забавных историй. В нашем 11А классе обучалось четыре представителя из прилегающих сельских районов: Лысенко и Черняк из посёлка Карьер, Панченко и Василенко с хутора Лосево. И вот однажды, пообедав в заводской столовой и прихватив с собой несколько коржиков по семь копеек, мы решили попробовать спирт. Заранее приготовили трёхлитровый эмалированный баллон, набрали из трубы спирта. Пошли на третий этаж строящегося кислородного цеха и решили провести дегустацию спирта. Естественно, наиболее подготовленными оказались ребята из села. Первым напросился Лысенко, так как был более крепким из всех нас. Сделав несколько глотков спирта из бидона, он стал задыхаться, широко открыв рот, хватал воздух, а затем лёг на бетонный пол и начал пить ржавую воду после дождя. Коржик не лез ему в горло. Видя всё это, мы поняли, что спирт – дело нешуточное и можно плохо закончить. Однако перед нами стояла задача вывести своего товарища с территории завода, чтобы не вызвать подозрения у старших товарищей. Мы распределились между собой следующим образом: трое идут плотно друг к другу впереди, сзади двое под руки ведут нашего пьяного товарища, а трое других прикрывают сзади. Одному поручили отвлекать разговорами сотрудников охраны. Первая линия охраны состояла из гражданских охранников, а вот вторая была из вневедомственной охраны МВД. Для их отвлечения пришлось привлечь самых красивых девчонок из класса. Руководила группой отвлечения Галя Душаткина, наш неугомонный комсорг, душа класса. Именно благодаря такой тактике операция по изъятию из наших рядов Т. Лысенко прошла успешно. Мы вывели его, посадили на проходивший автобус. Для сопровождения с ним поехал его земляк В. Черняк.

Второй случай, связанный с практикой на химзаводе, был ещё более уникальным. Около центрального КПП завода всегда стояла масса машин, ждущих своей очереди под погрузку кормовых дрожжей, которые упаковывались в бумажные мешки. Местные водители скооперировались со слесарями с завода, у которых были свои краники в трубопроводе со спиртом, и решили похитить ведро спирта. У одной автомашины якобы закипел двигатель, водители взяли чистое ведро и попросили пройти на территорию завода за водой. Под этой легендой они прошли с двумя вёдрами, слесари набрали в одно спирт, в другое – воду. Возвращаясь назад, они смело шли с вёдрами. Первую линию охраны прошли без проверки, на второй милиционер решил проверить содержимое ведра. Ему предложили воду, он обнюхал и без досмотра пропустил второе ведро. Водители вздохнули, подумав, что пронесло, но в это время подул ветерок, и запах спирта дошел до сотрудника милиции. Он попросил второго водителя с ведром

вернуться и обнаружил спирт. Шуму было много, ведь ранее охрана задерживала работников завода с грелками на теле, изымала велосипеды, в шинах которых был спирт, а тут простой и в то же время уникальный случай: на глазах у всех вынести 10 литров чистого спирта!

На моих глазах происходили очень важные события в жизни нашего общества. Люди не роптали, а свято верили руководству страны, что имеющиеся трудности надо воспринимать как временное явление, которое страна быстро преодолет, а пока надо трудиться на благо Родины. Оглядываясь назад, могу смело утверждать, что трудности только спланивали наше общество. Особенно это было видно на селе, где люди трудились днём на колхозных полях, а рано утром и поздно вечером, порой до ночи, у себя на подворьях. Утром я наблюдал, как моя вторая бабушка – Домаха, жена брата моей родной бабушки, поднимала своих троих детей, и они сообща кормили, поили, доили, убирала за коровой, свиньями, гусями, утками, курами и, быстро поев, убегали на основную работу: на ферме, в поле, на токах, в парках по уходу за техникой. Я любил приезжать к ним в гости, чтобы поспать на тёплой печке, покушать свежеспеченного хлеба, деревенского сала с лучком, попить парного молока, а вечером поехать на велосипеде в сельский клуб или посмотреть кино. Народ на селе был очень сплочённый, однородный, все были равны. Заработал больше трудодней – получи осенью больше зерна, сахара, муки, крупы. Ведь в основном колхоз рассчитывался тем, что выращивалось на полях.

Селяне вместе делили радости и горести. Особенно помнится мне деревенская свадьба, когда я продавал косу своей тётки и когда на стареньком «ЗИЛе» поехали в соседнее село на венчание молодых. Я сидел в кабине автомашины между водителем и моим дедом, когда водитель добавил газа на повороте, дверца автомашины открылась, и мы с дедом оказались на земле. Стоявшие в кузове люди упали на колени. Замешательство было недолгим, все быстро привели себя в порядок и поехали в церковь на венчание. Свадьба длилась три дня, на столах было всё, что душа захочет, самогон лился рекой, баянисты сменяли друг друга, гости пели и плясали.

Помнится, когда дед Николай, муж Домахи, решил построить новую хату, быстро все сделали. Собрались соседские мужики, из брёвен сделали сруб, обрешётители с двух сторон. Сруб установили на небольшом фундаменте. Потом колхоз выделил лошадей, на них сделали большой замес из глины и соломы, женщины закидали внутрь стен раствор, из глины сделали потолок. В последние сани с раствором глины был посажен хозяин дома – мой дед, и под общий восторг лошадь была отправлена в речку. Искував хозяина в реке, все участники так называемого субботника дома переоделись и вернулись к праздничному столу, накрытому хозяйкой дома.

Я, уже будучи учеником 10-го класса, также принимал участие в строительстве дома. Верхом на лошади месил глину, затем большими вилами, которыми подбирают свёклу, грузил на тележку замес, а ездвые везли его к строившемуся дому. Естественно, по окончании и меня пригласили за стол, налили 200 г самогона и заставили выпить, так как в работе не уступал взрослым мужикам. Меня заставили хорошо закусить, но это меня не спасло. Через некоторое время я понял, что пьян и надо быстро покинуть стол своими ножками. Выйдя на крыльцо, на полу увидел 50-литровый бидон из-под молока. Когда пришел в себя на сеновале, а потом вернулся в дом, увидел, что те, кому было мало самогона за столом, выходили на крыльцо, набирали кружку самогона из бидона, выпивали, быстро закусывали салом и солёными огурчиками, заранее выставленными хозяином для этих целей.

Так я познавал сельскую жизнь. Любил ходить в ночное время пасти лошадей, во время уборочной кампании жил с водителями на току, помогал разгружать зерно, а вечером купался в речке Челбас. Иногда старшие дядья брали меня на рыбалку: дом дедушки с двух сторон омывала река. Огород был у него большой, один гектар. В конце огорода была посажена капуста, чтобы ее легко было поливать водой из реки. Раков ловили руками в норах, нарываясь порой на живущих там ужей. Иногда мы брали хватку, забрасывали её, и, когда через некото-

рое время поднимали, там было до ведра пескарей. Бабушка Домаха жарила их на большой сковороде, и я ел их вместо семечек. Пескари всегда были жирными. Оставшимися пескарями на селе кормили уток.

Жизнь всегда интересна тем, что мы познаем мир, который нас окружает. Беседуя сегодня со своими младшими внуками, я рассказываю им, как выращивают хлеб, овощи, чем питаются животные, как человек влияет на природу, а природа – на него.

К концу обучения в 11-м классе я твёрдо решил посвятить свою жизнь армии. Пошёл в военкомат и попросил найти военное училище, где готовят офицерские кадры следователей. В военкомате мне посоветовали поступить в Орджоникидзевское военное училище МООП СССР. Сдав документы, с нетерпением ждал вызова. Когда пришло сообщение, что меня берут кандидатом для поступления, был очень рад, о чем сообщил родителям, товарищам. Не могу не вспомнить свою любимую, уважаемую Елену Герасимовну Моисеенко, учительницу немецкого языка, классного руководителя. Она дала мне многое в жизни. Научила правильно строить взаимоотношения в коллективе. Благодаря ей я научился жить вдумчиво, ежедневно оценивать прожитый день, видеть хорошее и плохое, из всего уметь делать правильные выводы. Самокритично оценивая себя, я не давал себе успокаиваться на достигнутом и раскисать при неудачах. С годами в армии я ещё больше убеждался, что к намеченной цели надо идти уверенно изо дня в день. Достигая одной цели, надо ставить другую и снова идти вперёд. Как говорит моя жена, если муж что-то задумал, он обязательно добьётся цели.

Не могу умолчать о том, что школьные годы прошли под знаком накопления жизненного опыта, который помогает мне и сегодня. Работая на мясокомбинате и сбивая сорок ящиков в день, я научился забивать гвозди, правильно пользоваться молотком, ножовкой. Сажая колхозный сад, я познал, как и когда его поливать, убирать урожай, как правильно хранить яблоки, груши, виноград. Каждый год работая с маминими братьями на строительстве домов селянам, познавал строительное дело. Ведь мне приходилось делать раствор и подавать кирпичи моим дядьям Александру и Владимиру, которые на моих глазах мастерски, за две недели построили дом шесть на восемь метров, а затем со старшим братом Михаилом за три дня поставили его под крышу. За дом мы получали 1800 рублей, из которых мне давали 300 рублей. На эти деньги я одевал себя, свою семью и помогал маме и бабушке выжить. У меня были свои карманные деньги, что позволяло чувствовать себя более уверенным, самостоятельным. Когда приносил домой такие большие деньги, мама при виде их плакала, что дождалась от меня помощи. Позже по жизни я не забывал о матери, бабушке, помогал им деньгами, вещами, находясь за тысячу километров от них. Я считал и считаю, что мать – самая главная, близкая, родная ценность в нашей жизни. Мама дала каждому из нас жизнь, и об этом мы не должны забывать никогда, пока живём сами.

ГЛАВА 2. Три года прошагал, пока не генерал, но скоро стану офицером

Сборы в училище были недолгими. Сложив свои скромные пожитки в маленький чемоданчик, прибыл в военкомат, откуда нас командой отправили в город Орджоникидзе. Там нас встретил представитель училища, и на автобусе сразу увезли в летний лагерь училища в посёлке Комгарон. Разместили в летних палатках, разбили по отделениям, взводам, назначили сержантов. Младшие командиры все были из сверхсрочников. В последующей учёбе их сменили.

Командиром моего отделения был сержант П. Петренко. Это был интересный, высокий, плечистый парень, чуть-чуть самоуверенный в себе. Именно он стал для нас самым большим армейским начальником. Он спал на кровати, а мы все – на нарах из досок, на которых лежали матрасы. Размещали нас по росту слева направо, со своими 170 см я спал предпоследним. Замыкал спальные места Валерий Бармаков, житель Курской области, Обоянского района. Мы

сразу сошлись с ним и стали друзьями на всю жизнь. Об этом хочу написать позже, так как именно он стал мне, по сути, братом на всю жизнь. С первых дней мы начали изучать азы армейской жизни. Первая заповедь, которую мы усвоили, сводилась к тому, что надо научиться подчиняться старшему. Вторая: самый большой начальник – командир твоего отделения, непосредственный начальник, то есть ближайший к тебе. Третья заповедь была ещё более простой: нужно было понять, что мамы, бабушки остались дома, и теперь надо всё делать самому: убирать постель, стирать белье, чистить обувь, мыть посуду, служебные помещения, закрепленную территорию. Того, кто не усвоил эти заповеди, ныл, жаловался на трудности, сразу отчислили, ещё до экзаменов.

Самым трудным из них для меня оказалась физподготовка. К её сдаче я оказался не готов. В основе её лежали нормативы по подтягиванию, подъему переворотом, изнурительные кроссы в полной выкладке (автомат, четыре магазина, нижнее белье, ложка, кружка, туалетные принадлежности). Кроссы были на один и шесть километров. Такой подготовки у меня не было, занятия волейболом, баскетболом, стрельбой и футболом не давали навыков сдачи нормативов. На помощь пришел мой друг Валерий Бармаков. Мы вставали рано, в пять утра, и до шести занимались на снарядах, качали силу, бегали. Именно благодаря Валере я сдал экзамен. Мне пришлось помогать ему в сдаче общественных наук, где я чувствовал себя уверенно.

Месячная подготовка на лагерных сборах помогла нам понять армейскую жизнь, внимательно изучить друг друга и определиться, с кем дружить. Мы научились носить военную форму, подшивать воротнички, которые проверялись ежедневно на утреннем осмотре. Конечно, изменился и наш внутренний мир. Надо было усвоить одно: теперь твоя жизнь отдана армии, и чем лучше ты себя подготовишь в стенах старейшего учебного заведения МООП СССР, тем больше у тебя будет шансов уверенно исполнять обязанности командира взвода. Училище выпускало офицеров со средним военным и юридическим образованием, которое мне очень часто помогало при исполнении служебных обязанностей и в гражданской жизни.

Командиром взвода у нас был лейтенант В. Кухарец, курсовыми офицерами были также молодые офицеры, одноклассники нашего командира взвода. Это привело к тому, что они соперничали друг с другом все три года обучения. Уже тогда было видно, что командир взвода – курсовой офицер В. Кухарец подбирал и назначал сержантов из числа своих земляков с Украины. В нашем втором дивизионе (батальоне) они занимали практически все должности. В нашем взводе служили сержанты Петренко, Пониполяк, заместителем командира взвода – старший сержант В. Полищук. В армейской жизни мы часто шутили на этот счёт: «Что за хохол, если на его погонах нет лычки». Часть из этих сержантов, тот же Леонтьук, были с Западной Украины, и уже тогда мы чувствовали по разговорам, поведению что-то чуждое нам, а именно национализм, презрение к русским. Многие из них по окончании училища попали служить на Украину, куда командующим ВВ МООП СССР был назначен наш начальник училища генерал Ганусенко. Позже я узнал, что мой курсовой офицер В. Кухарец стал командующим Национальной гвардии Украины.

Особо хочу вспомнить казарменную жизнь за эти три года обучения. Я твёрдо убеждён, что, находясь на казарменном положении, мы лучше познавали солдатскую жизнь, что помогало нам лучше понять душу солдата, чем он живёт, чему он радуется, от чего грустит. Именно находясь в казарме, ты ежедневно преодолеваешь все трудности армейской жизни, привыкаешь, что ты не один, рядом твои товарищи, всегда готовые прийти на помощь. Ходишь в наряды на кухню, моешь кучу посуды, убираешь в столовой, туалетах, чистишь по графику картошку и стоишь в караулах. Помню, как было жутковато ночью стоять на вышке в лесу и охранять склады, слышать вой волков, шум реки и леса. Под утро хотелось спать, но сон надо было прогонять, понимая, что, поддавшись ему, проспичь многое, даже собственную жизнь, жизнь своих товарищей. Ведь в те годы обстановка на Северном Кавказе была далека от идеальной. Бандитские группировки угоняли скот с ферм, нападали на местных жителей. Наш взвод часто

поднимали по тревоге, и мы по горам гонялись за этими бандами. Удивляюсь, как хорошо они знали местность, устанавливали связь друг с другом, подавая условные сигналы: разжигали костры, били по металлическим рельсам, посылали почтовых голубей.

Помню, когда в очередной раз находились в летнем лагере, нас подняли по тревоге и послали в горы на задержание банды, угнавшей скот с местной фермы. Наши поиски в горах не дали результатов. Каково же было наше разочарование, когда мы узнали, что бандиты угнали скот и на территории нашего лагеря спокойно ждали, пока всё стихнет, а потом погнали скот в горы.

Жизнь в казарме помогала лучше узнавать друг друга. Не могу умолчать о том, что и в наших рядах нашлись курсанты, которые покушались на личные вещи. Это заставляло нас скрытно, по графику, спрятавшись, следить, чтобы выявить вора, который украл у нашего товарища Сергея Лопатина часы. Мы вывели вора на чистую воду, устроили ему тёмную. Ушли на полевые занятия, а когда вернулись, вора уже не было: его отчислили и отправили служить в одну из частей местного гарнизона.

Был у нас один храпун: он по ночам выводил такие «песни», что мы все не могли спать. Что только мы не делали: клали на лицо грязные портянки, будили... Однажды, не выдержав храпа, мы вместе с койкой вынесли его в умывальник и открыли все окна, чтобы освежить его сон. Узнав о случившемся, курсовой обратился за помощью к врачам, виновника-храпуна положили в госпиталь, где излечили от храпа. Каким образом, для меня и сегодня неясно.

Во время учёбы шла активная спортивная жизнь в училище. Наш заместитель командира батальона по политчасти подполковник Васильев по личным делам отобрал команду футболистов, побеседовал со всеми, назначил товарищескую встречу с командой старшего курса. Наши позорно проиграли, и их подвергли осуждению. Суть его заключалась в том, что проигравшие возвращались со стадиона в городок не по центральной аллее, а по тыльной дороге, которая вела к солдатской столовой. Часто те, кто проигрывал, сразу попадали в состав застывших в кухонный наряд.

Мы с моим другом Валерой организовали свою команду и предложили замполиту проверить нас в деле. Контрольный матч мы выиграли и вошли в состав сборной команды на все три года обучения. Каждую осень, когда все выезжали на уборку знаменитой осетинской кукурузы, нас направляли в летний лагерь, где мы тренировались, периодически проводили контрольные матчи, в свободное время следили за садом, обрезкой, а вечером ходили в баню, где была хорошая парилка. Жизнь проходила весело и быстро.

Мой друг Валера Бармаков, будучи мастером спорта по самбо, готовил команду и выступал на соревнованиях в училище и на республиканских, обязательно побеждая в своей весовой категории. Очередной раз после победы в республиканских соревнованиях мы слушали информацию из местных СМИ, что в весовой категории до 62 кг победил Бармаков вместо Бармаков. Выдавая курсового соловья, местные жители, гости хотели сделать из него великого спортсмена. Именно таким и стал мой друг Бармаков Валера. За три года учёбы он подготовил в тяжелой весовой категории четырех кандидатов в мастера спорта. Он был удивительным человеком, умеющим правильно выстроить отношения со всеми курсантами училища. Его все знали и ласково называли Бармаченком. Он один мог перешить галифе, погладить голенища сапог, сделать фирменную фуражку. Мне было приятно дружить с таким человеком, что позволило нам сохранить тёплые отношения вплоть до его смерти 12 ноября 2017 года. Он был на год старше меня.

Учебный процесс был напряженным сутра до вечера, расслабляться нам не позволял курсовой офицер В. Кухарец. Стоило кому-то расслабиться и получить «неуд», как утром нас ждала тревога, и в полной боевой мы штурмовали на окраине города прилегающие высотки до седьмого пота. Естественно, виновник подвергся общественному осуждению и усиленному контролю со стороны сержантского состава.

Кипела и личная жизнь, в том числе на любовном фронте. Старшиной батальона был А. Козловский. Он был старше нас, женат и хорошо знал, чем мы дышим, куда ходим в увольнении, умело пользуясь этим. Любвеобильным среди нас был сержант-сверхсрочник Леонтюк с Западной Украины. Он поддерживал связь с семью-восемью девушками одновременно и морочил всем головы своей обильной перепиской. Каждый раз, находясь в суточном наряде, стоя на тумбочке, мы видели стопку писем, которые он отправлял и получал. Однажды на совете было решено разыграть его, после того как он написал письма своим возлюбленным. С кухни ночью мы принесли чайник с горячей водой и, подержав конверты над паром, вскрыли их, не читая, поменяли их содержимое. Письма ушли, а вся группа ждала, когда придут ответы. Получив первый ответ, Леонтюк был очень зол, но сдерживался, а, когда получил последнее письмо, взорвался, поняв, что без посторонней помощи он не мог перепутать адреса своих возлюбленных. На самоподготовке нам пришлось чистосердечно признаться во всем и попросить у него прощения.

Были и другие розыгрыши над ним, уже на третьем курсе. После получения очередной двойки одним из курсантов мы все с вечера проверяли свою экипировку. Ребята из суточного наряда вынули из рюкзака Леонтюка нижнее белье, завернули в него несколько металлических блинов и гантелю и подвесили мешок под кроватью, где он хранился. В 4.30 курсовой поднял нас по тревоге и повёл в горы. С тяжелым рюкзаком Леонтюк стал отставать от взвода. Он не мог понять, в чем дело, почему его рюкзак такой тяжелый. Лишь на привале он открыл вещмешок, и обнаружили наши проделки.

Наша группа шла под номером 16 и входила во второй взвод. Число 16 всегда было в моей жизни счастливым, как и месяц август. Именно в этот месяц я получал повышение по службе, дважды женился, обзаводился квартирами.

Была у каждого из нас и личная жизнь. Я вёл переписку со своей школьной подругой Любой Гуденко, кандидатом в мастера спорта по художественной гимнастике. Она училась в институте города Ростова-на-Дону. Я помогал ей материально, высылая скромные деньги из небольшой курсантской зарплаты. Наши отношения в дальнейшем не сложились, она нашла другого и вышла замуж. Из школьных друзей я поддерживал связь со Славой Емченко. Он учился на юрфаке, работал в Ростове в милиции, а затем окончил партшколу, стал партийным работником – заведующим административным отделом города Комсомольска-на-Амуре, куда его перевели из органов МВД для дальнейшего прохождения службы. Мой друг Валера вёл активную переписку со школьной подругой, которая училась в городе Воронеже. Мы делились с другом всеми секретами и были довольны складывающимися отношениями.

Так незаметно закончился первый курс. Мы разъехались на каникулы, я – в Кропоткин, Валера – к себе в Обоянь. Он пригласил меня приехать в гости, я согласился. Побывав дома, помог по хозяйству маме и бабушке и решил съездить в гости к другу. Надел форму, взял гражданскую одежду, поездом поехал в город Курск. На вокзале меня встретили друг Валера в форме и его сестра – красавица, спортсменка, кандидат в мастера спорта по легкой атлетике, комсомолка. Она сразу понравилась мне: красивая фигура, пшеничного цвета волосы, голубые глаза. От Валеры не скрылось моё очарование его сестрой, он отвёл меня в сторонку и предупредил, что у неё есть жених, он служит в армии. Я понял, что опоздал, но на душе почему-то было легко.

Мы определились, что пробуду у него неделю. Прибыв на автовокзал, билетов на Обоянь не смогли купить, решили добраться до трассы, а там доехать на попутках. Прибыв на трассу, стали голосовать, но никто не хотел останавливаться. Тогда Люда, сестра Валеры, попросила нас спрятаться в кустиках, вышла на проезжую часть, чуть обнажив свою красивую ножку, и первая проходившая «Волга» остановилась как вкопанная перед девушкой. Она переговорила с водителем, махнула незаметно нам рукой, мы быстро выбежали из кустов и сели на заднее

сиденье. Водитель, видя, что деваться некуда, согласился нас довезти, не взяв при этом ни рубля денег.

Дом Валеры находился недалеко от трассы. Рядом росла большая яблоня, под которой стоял длинный стол с закусками и начатой бутылкой самогона. Ожидая нашего прибытия, родители Валеры, оба фронтовики медики, с соседями уже приняли на грудь. Нас усадили за стол, налили водки, закусили, и процесс знакомства состоялся. Часа в четыре обед закончился, и меня отправили отдохнуть в сад в летнюю беседку, где стояла кровать. Коснувшись подушки, я сразу отключился. Очнулся, когда почувствовал на своем теле прикосновение женских рук. Открыв глаза, увидел сидевшую на кровати Людмилу. Она объяснила, что пришла пригласить меня на ужин.

Клубом здесь служила перестроенная церковь, рядом была огорожена круглая танцплощадка с деревянными полами. На танцы мы прибыли втроем, Валера на танцплощадке подхватил знакомую по школе Любу Захарову. Так мы стали меняться парами и танцевать. Отдохнув до 23.00, пошли домой, Валера пошёл провожать свою знакомую, а я с его сестрой – домой. Дойдя до ворот, сестра Валеры предложила прогуляться. Вечер был тихим, на небе сияли звезды, в поле пели кузнечики. Перейдя автотрассу, мы оказались на поле, где росла бахча. Там был навес, где мы присели. Было уже свежо, я снял пиджак и накинул на плечи Людмилы. Обнявшись, согревая друг друга горячими поцелуями, мы забыли о времени. Сдерживать себя уже не могли ни я, ни она. Слова Валере о своей сдержанности вновь мелькнули в голове, и я решил остановить это безумие. Мы резко встали и молча, думая о случившемся с нами, пошли домой. На пороге встретила мать Валеры, внимательно посмотрела на нас и отправила спать в разные комнаты.

Утром позавтракали. Валера предложил взять мотоцикл с коляской у знакомых и поехать к родственникам. Я удобно уселся в люльку, Валера за руль. Мы начали объезд родственников. Каждое посещение заканчивалось застольем, Валера не пил, и мне пришлось отдуваться за двоих. Отдохнув, мы решили вернуться домой. Вечерело, мы ехали вдоль лесопосадки с ветерком, дорога была хорошо укатана во время уборочной кампании и блестела, как асфальт. Валера расслабился, и тут произошло ЧП. Местный тракторист плугом на перекрёстке посадок сделал борозду, в которую мы угодили. Валера пытался объехать ее, повернул резко влево, и мотоцикл лёг набок. Валера вылетел и упал лицом на землю. Меня спасла люлька, она не позволила вывалиться, и я отделался лёгкими ушибами. Я поднял Валеру, платком вытер кровь на лице, особых ушибов не было и у него. Мы подняли мотоцикл, Валера сел в люльку, я за руль.

Прибыли домой, родители привели нас в порядок, смазали ссадины, и мы снова пошли в клуб, несмотря на протесты взрослых. По окончании фильма пошли домой, и в беседке все повторилось вновь. Преодолевая себя, подавляя свою мужскую плоть, я нашел в себе силы вновь остановиться, помня о данном другу слове не трогать сестру. Вернувшись домой, я встретил осуждающий взгляд матери друга и принял твёрдое решение утром уехать домой.

За завтраком объявил о принятом решении. Сидевшие за столом восприняли его каждый по своему. На прощание я пригласил Валеру по пути в училище заехать ко мне. Поезд проходил мимо моего дома, можно было сделать остановку на два-три дня, погостить у меня. Он так и сделал. Заехал ко мне, с большой радостью пил наше домашнее вино и уплетал варенье, а бабушка, как всегда, наварила его много. Отдохнув, мы сели в самый медленный почтовый багажный поезд и двинулись в Беслан.

Поездом Ростов – Баку возвращались многие из наших курсантов. На станциях, где разгружалась почта, мы покупали выпечку, фрукты и, конечно, позволяли себе попробовать домашнего вина, которое предлагали бабушки. Добравшись до станции Беслан, мы пересели на рейсовый автобус и проследовали дальше в училище.

Помню, как однажды один из наших одноклассников – Балинов Слава вернулся с вокзала в кедах: пока он дегустировал вино, у него в купе увели хромовые сапоги. Он не отчаялся

и сочинил частушку: «Выпил чарку – не берэ, выпил втору – чоботы взялэ». В основном в отпуска мы ездили поездом. Один раз я нарушил правило и поехал автобусом Орджоникидзе – Ростов через Кропоткин. По дороге меня удивляла наглядная агитация, призывающая советский народ «догнать и перегнать США на душу населения» по мясу, молоку и т. д. И вот за Нальчиком на извилистой горной дороге я увидел один из таких плакатов. Прочитал его, а дело было ночью, не успел оглянуться, как на очередном повороте увидел другой плакат со следующим текстом: «Не уверен – не обгоняй!». С подобным оформлением наглядной агитации я встречался по жизни не раз.

Особенно запомнилась картина в городе Навои Узбекской республики. По дороге в бригаду были две колонии, между которыми располагалась воинская часть 6642. В первой ИТК общего режима справа от КПП стоял памятник Владимиру Ильичу Ленину в трехметровом исполнении. Его правая рука, вытянутая вправо, указывала направление движения: «Верной дорогой идете, товарищи!».

Вернувшись из отпуска или с каникул, мы щедро делились друг с другом домашними сладостями, выпечкой. В дальнейшем составляли в отделении график, кто и когда должен попросить родителей прислать посылку. Родители, конечно, не могли отказать своему отпрыску. Полученная посылка шла на общий стол, получателю безоговорочно доставались личные вещи: белье, тёплая одежда, сувениры. В посылках мы часто получали сало, быстренько резали его и тут же съедали. Однако два наших товарища-мусульманина с полгода отказывались его есть, но потом привыкли.

Дисциплину соблюдали все. На тех, кто нарушал требования воинских уставов, первоначально воздействовали сержанты, объявляя наряды вне очереди на кухню, уборку туалетных комнат, лишая очередного увольнения в город. Это действовало отрезвляюще, ведь всем хочется отдохнуть в городе, подышать воздухом свободы, посмотреть, чем живут на гражданке сверстники, познакомиться с девушками, которые, конечно, были воспитаны в строгих обычаях народов Кавказа. Чаше знакомства состоялись с приезжими студентами из российских регионов, обучавшимися в городе Орджоникидзе.

Случались и эксцессы с местным населением, особенно среди мужской половины. Злопыхатели выкрикивали оскорбительные слова в наш адрес, когда мы шли с нижним бельем в баню. Однако таких мы быстро отучили. Их выхватывали с тротуара и толкали внутрь строя. Что там творилось, понять нетрудно: когда колонна проходила, виновник лежал на брусчатке и считал зубы и синяки. Старшина делал вид, что не видит этого. Но в целом отношения с местным населением были хорошие.

Мы умудрились в увольнениях пойти к местным портным и заказать себе брюки-дудочки, которые тогда были в моде. Помню, и я заказал себе. Когда забирал их, принял на грудь стаканчик чачи. Вначале я был против: до конца увольнения оставалось два часа, но портной привёл доводы, что чача лечебная, а её запах и крепость уничтожаются хорошей закуской из черемши. Она в изобилии росла в Северной Осетии и продавалась во всех магазинах в банках 0,5–0,7 л за копейки. Выпив, закусив осетинским пирогом с черемшой, я, погуляв по городу, вернулся в училище. Дежурный проверил, что у меня в руках, осмотрел брюки, почувствовал запах черемши. Поняв, что я выпил, и, не дождавшись признания, махнул рукой: видимо, вспомнил свои курсантские годы, отпустил меня в казарму. Так я впервые попробовал местную чачу из кукурузы и заел ее черемшой. Меня тогда пронесло, и я твёрдо решил больше не играть с судьбой, ведь за пьянку могли отчислить из училища даже с третьего курса. Войскам нужны трезвые офицеры.

После отпуска мы готовились к войсковой и юридической стажировке. Наш взвод определили в город Тулу, где размещался конвойный и учебный полки. Руководителем стажировки был назначен преподаватель тактики подполковник Б. Я. Сергеев. Между собой мы ласково

называли его Яшкой-артиллеристом. В годы войны он был артиллеристом. Это был спокойный, добрейшей души человек, который годился всем нам в отцы. Прибыв на стажировку, мы распределились по ротам. Меня, Валеру, старшину Козловского и Плиева, внука легендарного командующего Конармией, оставили при штабе.

Из всей стажировки мне запомнилась история, произошедшая с нашим одноклассником В. Дегтяревым. Учился он урывками, но в конце каждой четверти напрягался и сдавал все на отлично. Заступая в кухонный наряд, мог сразу съесть до сорока котлет, а затем сидеть на горшке, мучаясь от переедания. А хэбэ носил до черноты, и, когда у всех нас кончалось терпение, мы прибегали к насилию. Вели его в умывальник, раздевали, доставали из его вещмешка старое, такое же грязное подменное белье, заставляли стирать под общим контролем. Он мог забыть с вечера побриться или привести свою голову в порядок. Однажды он решил ночью побриться и побрить голову, но, к его несчастью, прибыл курсовой, чтобы провести со взводом очередной воспитательный процесс, подняв по тревоге. Володя не успел побриться до конца голову и наполовину лицо. Щетина у него была чёрная, выглядел он, как узник Бухенвальда. Все умирали со смеха. Нас призывал к порядку курсовой по ходу марш-броска по городу. Картина была нелепая. Редкие прохожие видели человека в форме с побритой наполовину головой и тоже смеялись. Однако Вову было трудно удивить, он был спокоен и уверен в себе.

Ещё более странным было его поведение с женским полом. Стоило ему, познакомившись с девушкой, поцеловать её, подержаться за колено, не говоря уже о другом, он тут же писал рапорт и просил разрешения жениться в очередной раз. Именно его распределили подальше от цивилизации, так как в городе Туле много невест. Руководитель стажировки распределил его в роту, стоявшую в Ясной Поляне. Красивейшие места, в которых я побывал тогда благодаря Володе! Он нашел местную девушку, с которой спала вся деревня. Сразу взял себя в руки, переселился в дом невесты, где его обильно кормили и поили. Узнав от командира роты о случившемся, руководитель стажировки Сергеев сообщил командиру батальона подполковнику М. И. Сливину. Тот вызвал меня и Плиева, выделил узик, поставил задачу доставить нашего жениха Дегтярёва в штаб, а старшине Козловскому готовить встречу молодых. Прибыв в роту, Володю там мы не обнаружили. Командир роты рассказал о месте его проживания. В добротном доме мы обнаружили тёщу, а в спальне нашли молодых. Подняв их из постели, мы стали вести с ним профилактическую беседу. Вова был неумолим, убеждал нас, что твёрдо решил жениться, оповестил свою семью и ждёт ее приезда из Волгограда на свадьбу. Будущая тёща не теряла времени даром: за короткое время нашей беседы она накрыла нам завтрак, естественно, предложив выпить по 100 граммов за молодых. Получив отказ, не расстроилась и велела дочке ехать с нами в полк. Нам пришлось взять её.

Прибыв в часть, мы доложили подполковнику Сливину, что курсант Дегтярёв доставлен вместе с невестой, которая ждала нас за дверью. Он приказал завести их в кабинет, где находились руководитель стажировки Сергеев и старшина Козловский. После непродолжительного разговора комбат приказал Дегтярёву снять штаны, а старшине Козловскому принести линейку и портновские ножницы. Такой команде были удивлены не только мы, курсанты, жених, невеста, но и руководитель стажировки.

Старшина вскоре принёс метровую линейку и портновские ножницы. Командир батальона приказал Дегтярёву снять нижнее белье, старшине линейкой измерить пенис у жениха, и, если он меньше 15 см, отказать в женитьбе, если более – отрезать лишнее. Услышав такие распоряжения, все были в шоке, особенно жених. Он двумя руками держал свои штаны, спереди его прикрывала невеста, а мы не знали, что делать дальше. Девушка упала на колени, просила комбата не делать того, что он задумал, а сама пообещала не спешить с замужеством. Прочитав молодым мораль, комбат отпустил девушку домой, Вову перевёл в другое место для дальнейшего прохождения стажировки, заставив сообщить родителям в Волгоград об отмене свадьбы. Забегая вперед, могу сказать следующее: Дегтярёв получил воинское звание «лейте-

нант», был распределён для прохождения службы в войска. Вместе с дипломом Володе вручили 23 рапорта о намерении жениться. «Теперь, – сказал комбат, – ты можешь жениться сколько хочешь, но помни: создание семьи для офицера – дело ответственное, требующее принятия взвешенного решения головой, а не своими страстями при виде женского тела». О дальнейшей судьбе Володи я не знаю, а молодых людей, подобных ему, за годы службы видел немало.

Как проходил выпускной вечер, точно не помню. Запомнилось одно: на вещевом складе каждому выдали «приданое», которое едва вмещалось в два больших чемодана, с которыми мы и разъехались в отпуск. Конечно, радости было много: мы, надев офицерскую форму, не могли налюбоваться на себя в зеркало.

В Кропоткине жил ещё один наш выпускник, Вадик Липкус. Мы с ним общались, но близкими друзьями не были. Он был из состоятельной семьи. Его папа, полковник милиции, работал в управлении на транспорте. Мама была заведующей продовольственным магазином, что размещался на привокзальной площади станции Кавказская, этажом ниже их трёхкомнатной квартиры. У него была сестра, которая училась в Пятигорском институте иностранных языков. Вадик был добрым, но избалованным человеком, не был подготовлен к жизни, совсем не знал, как вести себя с девушками. Застенчивость и низкий рост, примерно 165 см, усиливали его страх перед девчонками. Чтобы придать себе солидности и найти партнёршу на танцах, он шел к школьницам и приглашал их. Однажды я пригласил его сходить в кино. Он согласился, надел полевую форму, сверху накинул плащ-палатку, и мы пошли в кинотеатр «Россия». Купили два билета в 11-й ряд. Пока стояли у афиши, рассматривая её, подошла молодая, смазливая на лицо девушка. Вадик заговорил с ней, а затем подошел ко мне и попросил уступить ему мой билет, чтобы девушка была рядом с ним. Я согласился, взял другой билет на 17-й ряд. В кинозале я потерял его из виду. Рядом оказались девушки из школы №4 им. Пушкина, где я когда-то учился. Они знали меня по встречам с выпускниками школы. По окончании фильма я уехал на автобусе к себе домой в посёлок Северный. Утром решил узнать, что же было далее с Вадиком. На звонок вышла его мама и сходу начала обвинять меня: мол, с кем я его познакомил, вот что она сделала с ее сыном. Вадик в разговор не вмешивался, стоял у двери в зал и жестами призывал не слушать мать, а идти к нему. Одет он был в темно-синий шерстяной динамовской костюм, шея была закрыта воротничком от куртки. Усадив меня в кресло, закрыв дверь в зал, он поведал мне следующую историю своих любовных походов.

С его слов, таинственная незнакомка повела его на территорию горбольницы, где был сквер с лавочками. Там она наставила нашему Вадиму массу засосов, довела до безумия, с которыми он едва справился. Более того, расчётливо взяла слово завтра встретиться снова. В залог забрала офицерское удостоверение. Вадик капитулировал перед этой львицей любви и теперь просил совета, как быть, ведь через сутки надо ехать к месту службы в город Архангельск. Отругав его, я решил помочь, уговорил родителей отпустить Вадика вечером ко мне на прощальный ужин под мой личный контроль. Мне его родители доверяли, считая меня самостоятельным человеком.

Попрощавшись, я уехал и больше ничего не знал о судьбе Вадика. Только в 1997 г., через 20 лет, я узнал о страшном ЧП, произошедшем в Пуксоозере Архангельского соединения ВВ МВД СССР, где служил Вадик. Я в это время был слушателем Военно-политической академии имени Ленина в городе Москве. Суть ЧП сводилась к банальному любовному треугольнику с участием прапорщика – начальника караула, начальника штаба батальона и женщины, с которой оба встречались. Узнав о том, что начальник штаба батальона, женатый человек, встречается с его девушкой, прапорщик, имея оружие АКМ, прибыл к сопернику на инструктаж, где присутствовал и Вадик, и открыл стрельбу из автомата. Было убито два человека. Вадик успел выпрыгнуть в открытое окно, но пуля задела ему правое предплечье, пробив насквозь кость. От друзей по совместной службе я узнал, что он лежит с ранением в Центральном госпитале ВВ МВД РФ.

После занятий в академии я взял сладости, фрукты и поехал к Вадиду. Он поведал мне, как сложилась его офицерская жизнь в Пуксоозере. Он был назначен командиром взвода. Через месяц с его согласия к нему из Кропоткина приехала всё та же таинственная незнакомка, женила на себе, по-быстрому нарожала двоих детей, постоянно гуляя со всеми подряд в маленьком посёлке. Вадик не смог пережить позора, запил, его осудили за пьянство офицерским судом части. Сняли одну звёздочку. Через год восстановили. Но жену остановить не мог из-за своего характера, она продолжала держать его возле себя двумя детьми. Лишь после ранения он оставил её, забрал двоих детей, в звании капитана уволился из войск, вернулся в город Минеральные Воды, где теперь жила его семья.

Приводя этот ужаснейший пример, я ещё раз убеждаюсь в том, насколько виновны мы, родители, перед своими детьми, когда растим их в тепличных условиях, отрывая от реальной жизни, где добро и зло всегда рядом. Оберегая, мы думаем, что делаем им лучше, а на самом деле губим их, и жизнь сурово наказывает нас за ошибки. Конечно, надо учиться на чужих ошибках, но по факту каждый из нас набивает шишки на своих, а затем, жалуясь на жизнь, живёт дальше. Этот пример всегда напоминает мне, как важно понимать своих детей, доверять им, помогая реально познать жизнь. Не бояться, что порой у них появляются синяки и шишки, сердечные травмы, и объяснять причину их появления.

Каждый офицер, получив первое офицерское звание, естественно, озабочен массой возникших вопросов, в первую очередь выбором места службы. Здесь мне было легче: нас, 54 человека, распределили в Ташкентскую дивизию. В неё входили части, размещенные на территориях трёх республик: Узбекской, Туркменской, Таджикской. Штаб размещался в городе Ташкенте, недалеко от аэропорта, рядом с железнодорожным институтом.

Город Ташкент рос на наших глазах, вся страна строила его после землетрясения. Каждый новый микрорайон, дом имели национальный архитектурный стиль. Старый город лежал в развалинах, именно там трудился весь гарнизон. Дома вначале сносили тяжелой техникой, а затем солдаты вручную разбирали остатки жилищ, грузили и вывозили за пределы города.

В дивизии нас встретили тепло: лепёшками, сладостями и чаем. Начальник штаба дивизии собрал всех у большой карты и показал дислокацию частей, не забыв напомнить, что вода здесь на вес золота, так как кругом пустыня и горы. Каждого из нас лично пригласил на собеседование начальник отдела кадров и предложил на выбор место службы. Среди моих однокурсников из второго взвода первыми получили распределение Бардаков, Антонов и мой друг Бармаков. Их, как самых крепких и здоровых, сразу зачислили в оперативный батальон. Валеру взяли туда временно начальником химслужбы, он нужен был им на должность начальника физподготовки: прежний подходил к увольнению по возрасту и выслуге лет. Валера из штаба дивизии направился в штаб воинской части 3408, представился командиру части подполковнику Н. Цицилину и попросил взять и меня. Тот вызвал своего заместителя по политчасти майора Таджикибаева и поручил решить мой вопрос. Я сидел в штабе и удивлялся, почему не вызывают меня, так как нас оставалось всего несколько человек. Оказалось, все просто: нас, пять выпускников – членов партии, заранее отобрали на должности заместителей командиров рот по политчасти. Вечером нас пригласил в свой кабинет начальник политотдела полковник С. Булычёв и поздравил с прибытием на узбекскую землю. Мне по просьбе майора Таджикибаева он предложил должность секретаря комитета ВЛКСМ воинской части 3408, и я с радостью согласился служить в новой части вместе с другом Валерой.

Мне сразу понравился полковник Булычёв. Это был очень образованный, внимательный, с проницательным взглядом политработник. Позже я узнал, что он добрейшей души человек. Он поручил двум своим начальникам отделов агитации и пропаганды, оргпартрботы – фронтовикам подполковникам Попову и Иванову быть моими наставниками. На второй день они пригласили меня в кабинет и начали обучение. Я благодарен им всю жизнь, что они научили

меня за массой бумаг видеть человека с его судьбой, взглядами, характером. Работа с бумагами была очень важна, так как иногда деятельность политработников оценивали по количеству отработанных бумаг, а не по реальным делам: умению подставить плечо своему командиру в трудное время, разъяснить суть его требований коллективу в целях поддержания высокой боевой готовности и крепкой воинской дисциплины. Именно эти два фронтовика научили всегда с уважением относиться к командирам-единоначальникам, вместе с ними нести ответственность за происходящее в части, соединении, училище. Не подсиживать и не строчить доносы, а говорить в глаза друг другу правду, иногда горькую и неприятную. Ведь именно командир и его заместитель по политчасти, по инструкции ЦК КПСС, несут ответственность перед вышестоящей партийной организацией. Скажу честно, на своем жизненном пути повстречал много командиров, с которыми было приятно служить, учиться правильно руководить подразделениями, частями, соединениями. К их числу отношу и командира воинской части 3408 подполковника Цицилина. Этот высокий, стройный, с голубыми внимательными глазами человек с первых дней окружил нас заботой и вниманием. Он не мог в то время обеспечить нас жильем. Общежития в части, дивизии не было. Он подсказал, к кому обратиться, чтобы снять квартиру.

В нашу часть попало пятеро молодых офицеров: Антонов, Бардаков, Выприцкий, Бармаков и я. Выприцкий был моим земляком: из станицы Кавказской, что в 8 км от города Кропоткина. Втроем мы решили снять квартиру недалеко от части, в рабочем посёлке. Искать долго не пришлось. Простая рабочая семья водителя предложила снять маленькую летнюю кухню из двух комнат. В первой комнате была отапливаемая дровами печь, вторая была чуть больше. Мы привезли скромную солдатскую мебель из части: обеденный стол на четыре человека, набор посуды с ложками и кружками, три солдатские кровати с матрацами и постельным бельем, которое мы еженедельно меняли в части. Печь мы никогда не топили: на улице всегда светило солнышко. Иногда зима напоминала о себе, и тогда печь топила хозяйка дома, которая стала для нас второй матерью. Мы тоже за эти годы стали для неё родными.

Замполит майор Таджибаев в то время заочно учился в академии имени Ленина, инструктором оргпартрabajo был секретарь партбюро капитан Пожидаев, пропагандистом – капитан Мавлянов. После избрания на комсомольском собрании части секретарём комитета ВЛКСМ я вошёл в их команду.

Батальон был небольшой, состоял из трёх рот, которыми командовали опытные офицеры, разные по национальности: грузин Биченов, русский Малахов, казах Ташкулов. Личный состав в оперативную часть подбирался особо: рост не ниже 175 см, приятные внешние данные, из числа русских, украинцев, белорусов и жителей центральных областей России. Ведь служба у нас была особая: поддержание общественного порядка в столице Узбекистана городе Ташкенте. Мы обеспечивали порядок на футбольных матчах ФК «Пахтакор» с 39-го по 42-й сектор, проводимых в городе больших общественно-политических мероприятиях, охраняли СИЗО КГБ республики. Дважды в год умирляли крымских татар, которые митинговали, добиваясь возвращения в Крым. Привлекали нас и к ликвидации стихийных бедствий. Комсомольская работа была хорошо знакома мне по школе и училищу, где я был членом комитета. Помогал мне спорт. С Валерой мы сколотили команду части по волейболу, баскетболу, футболу, самбо и участвовали во всех соревнованиях. С подшефной школой из аэропорта создали ансамбль «Грушица», в который вошли члены семей, девчата с текстильной фабрики. Аппаратуру для нас закупил Аэрофлот. Мы выступали с концертами на различных мероприятиях в городе Ташкенте, на предприятиях. Нас знали в лицо. В 1970 г. ЦК ВЛКСМ Узбекистана избрал меня делегатом 16-го съезда ВЛКСМ.

ГЛАВА 3. Начало офицерской жизни. Поиск живого и настоящего

Не могу сказать, что все было гладко в работе с комсомольцами, в том числе с моими одноклассниками. Один раз я был дежурным по части, и ночью произошло ЧП с участием офицеров-комсомольцев Бардакова и Антонова. Вечером они пошли на танцы в сквер рядом с частью, где на них напали местные хулиганы. Они, недолго думая, перелезли через забор. Антонов тихо, без шума поднял свой взвод, поставил задачу навести порядок на танцплощадке, где драка с русскими продолжалась. Солдаты под руководством офицеров перелезли через ограждение, за 15 минут навели порядок, таким же порядком вернулись в часть и легли спать. Естественно, я ничего не знал, находясь в дежурной комнате, пока меня не пригласил дежурный по дивизии к себе в дежурку. Там я увидел нескольких потерпевших в драке. Мы с дежурным прошли в спальное место личного состава трёх рот, все спали. Дежурные по ротам доложили, что происшествий не было. Все бы прошло гладко, но дежурный по дивизии увидел свет в конце комнаты первой роты. Зашли туда и увидели Антонова. Учинив допрос, узнали о случившемся. Дежурный принял решение отложить разбирательство до утра. Утром я доложил о случившемся командиру части, получил нагоняй, обоих офицеров наказали, а мне пришлось рассмотреть их проступок на заседании комитета ВЛКСМ.

Осенью 1968 г. меня отправили по разрядке на курсы комсомольских работников в город Львов. Трёхмесячные курсы были организованы при Львовском высшем политическом училище. От ВВ МВД РФ нас было пять человек, жили мы при штабе оперативного полка (КПП). Полк размещался напротив Львовского автомобильного завода. Город Львов мне запомнился на всю жизнь. Большую половину населения, как сейчас помню, составляли поляки, о чем свидетельствовали вывески на магазинах, кафе, да и речь большинства населения подтверждала это. Я был поражен великолепием оперного театра, куда ходил очень часто. Запомнил знаменитые места отдыха молодёжи, где иногда бывал. Это знаменитая стометровка от оперного театра до ресторана «Москва», где на лавочках слева и справа сидели девушки и предлагали интимные услуги. Среди заведений, где проходили танцы, выделялся клуб трамвайщиков, его почему-то называли «дом повешенных», Дом офицеров был «домом последних надежд». Наиболее спокойно можно отдохнуть в клубе милиции, где продавались билеты на ограниченное количество лиц. Запомнился мне и ресторан «Москва». Все пятеро мы любили посидеть в уютном ресторане, стены которого были выложены зеркальным кафелем, а в зале стояли цветы, особенно много было цветущих роз. В зале играл вокально-инструментальный ансамбль.

В 1968 г. местный футбольный клуб «Карпаты» стал чемпионом страны. Мы в этот вечер отдыхали, с нами была одна очень красивая, белокурая девушка, знакомая нашего товарища из Челябинска. Одну мы её не оставляли, так как за ней охотились местные ребята, особенно кавказцы, которые предлагали большие деньги, чтобы мы уступили её им. Дело закончилось коллективной дракой. Находясь в меньшинстве, мы взяли девушку в круг, сомкнувшись спинами. Таким образом, не допускали в круг никого. Драка длилась минут 15–20, пока не подъехала милиция и не разогнала нападавших. После этого мы перестали ходить в ресторан, замену нашли в другом кафе у театра.

Учиться было интересно, конспекты, написанные там, помогали мне в работе с личным составом. В августе 1968 г. на моих глазах в Чехословакию ушла Железная танковая дивизия из Львова. Личный состав и технику провожал весь город, такой же тёплой была встреча. Встречаясь с участниками тех событий, узнавал, как все было. Педагоги училища показывали нам листовки, привезённые из Чехословакии, в которых высмеивались наш строй, наше отношение к Ленину, Сталину и Брежневу. И там, в Чехословакии, наш личный состав подвергался идеологической обработке. Уже тогда у местного населения сквозила ненависть ко всему русскому, к нашему прошлому и настоящему. И нам, армейским воспитателям, надо было разоблачать эту ложь, чтобы наши солдаты, сержанты были патриотами своей Родины.

Мы часто слышим, что нынешнее поколение другое, нежели мы, однако, попав в Чечню, я убедился, что порой мыслил ошибочно, думая так о молодёжи. Тогда, в далёких шестидесятых, мне приходилось думать, как оставаться уважаемым командиром у подчинённых и старших. В первую очередь быть честным перед собой и подчинёнными, уметь публично признавать свои ошибки, извиняться, если этого требовала обстановка. Чтобы быть ближе к подчинённым, я вместе с ними по графику ходил в караулы, в патруль по городу. Особенно часто, пять раз в месяц, приходилось заступать в суточный патруль на железнодорожный вокзал и аэропорт. На вокзалах всегда шумно, порой грязно, масса бездомных людей, стремящихся отсидеться в воинских залах, где можно было попросить у добрых военных денежек на хлеб. За сутки мы быстро очищали вокзал, все приводили в порядок.

Мне запомнилось несколько эпизодов из этой службы. Как-то раз, неся службу на вокзале, мы с двумя солдатами со второго этажа наблюдали, как к центральному входу подъехала спецмашина вырезвителя – «раковая шейка», как окрестил её народ из-за тёмно-синего цвета с красной полосой по всему кузову посередине. Из машины вышли три сотрудника милиции и вошли в зал ожидания на первом этаже. Затем этот наряд стал хватать всех без разбору граждан и грузить в машину. Народу на вокзале было много, в этот день призывников отправляли в армию. Естественно, многие на проводах выпили и были весёлыми и добрыми. Через 30–40 минут родственники задержанных окружили «раковую шейку» и начали раскачивать из стороны в сторону, требуя от сотрудников милиции отпустить людей. Наряд закрылся в спецмашине, но двигаться не мог. Надо было срочно принимать решение. Я быстро набрал по телефону начальника железнодорожной милиции, объяснил ситуацию и попросил вмешаться в создавшуюся обстановку. Тот собрал всех своих сотрудников, мы оцепили место беспорядков, заставили сотрудников вырезвителя выйти из машины и освободить задержанных, что они и сделали. Сотрудники вырезвителя были задержаны. Мне была объявлена благодарность за умелые действия в сложной оперативной обстановке.

В другой раз, неся службу, я получил информацию от начальника вокзала, что в поезде, следующем в Москву из Казахстана, в вагоне номер 10 пьяный военный дебоширит. Мы выдвинулись на перрон, подождали прибытия поезда, подошли к вагону номер 10. Навстречу вышли начальник поезда и проводник, изложили суть случившегося. Оказалось, в поезде ехало на отдых большое количество военных связистов, среди них майор, который напился и не контролировал себя. Мы вошли в купе, взяли под руки нашего «героя». Других военных я попросил не мешать исполнять свои обязанности, но подвыпившие офицеры требовали от нас освободить товарища. Они стали окружать нас, хватать за руки. Мне ничего не оставалось, как достать табельное оружие и потребовать отойти от патруля. Толпа не прекращала попыток освободить пьяницу. Пришлось двумя выстрелами вверх остановить нападавших. Поняв, что шутить я не буду, они расступились и пропустили нас. Доставив майора в помещение, я изъясил у него чемоданчик, заставил вскрыть его. Там лежали браслеты, которыми он должен был пристегнуть чемодан к своей левой руке, коды, шифры спецсвязи полка связи, стоящего на границе. Такие части мы называли «глаза и уши России», или «слухачи». Я доложил о находке коменданту города и в управление КГБ. Конечно, первыми прибыли офицеры спецслужб, опросили состав патруля, выяснили обстоятельства задержания майора, номер поезда и вагона, в котором следовал задержанный. По окончании службы я рапортом доложил командиру части о ЧП и моих действиях. Он одобрил их. Через сутки в часть прибыли представители КГБ и начальник гарнизона. Мне выдали денежную премию, грамоту, а двум участникам задержания – ценные подарки. Кроме того, командир части объявил по 10 суток отпуска на родину.

Комсомольская работа в такой мобильной части, где ты постоянно находишься в состоянии повышенной готовности, требовала снятия напряжения и физической усталости. Кроме занятий спортом, концертов вокально-инструментального ансамбля мы приглашали коллективы художественной самодеятельности подшефных предприятий района и города Ташкента.

Таковыми были аэропорт города Ташкента, текстильная и кенафная фабрики. Поддерживали тесную связь с родителями военнослужащих. Оформили стенд с фотографиями отцов, дедов-фронтовиков, описанием их подвигов, зачитывали их письма-обращения к своим детям, внукам. По приезду в части устраивали их встречи с военнослужащими.

В части не было своего клуба и спортзала. Мы пользовались гарнизонными помещениями, закреплёнными за местным конвойным полком. В этом полку секретарём комитета ВЛКСМ был мой однокурсник из училища лейтенант В. Бойков с Украины. Мы чередовали проведение массовых мероприятий в клубе: одну встречу организовывал он, а мы были гостями, другую проводил я. Между нами появилась соперничество, кто лучше проводит встречи, от чего они становились все более интересными и содержательными.

Из проблем по поддержанию воинской дисциплины были в основном самовольные отлучки. Состав постоянно участвовал в обеспечении порядка на спортивных, общественно-политических мероприятиях, на предприятиях с применением женского труда. Это усложнило работу по укреплению воинской дисциплины. Срочники знакомились с девушками и могли назначить свидание прямо в сквере возле части, по субботам и воскресеньям бегали в самоволку в общежития. Факты пьянства были единичными.

Меня удивляло, как хорошо мой непосредственный начальник майор Таджикибаев знал личную жизнь офицеров и срочников. Не успевали мы утром прийти на службу, как он приглашал меня к себе и детально рассказывал, где мы с однокурсниками были вчера, что ели, пили и т. д. Не раз я был свидетелем, когда в присутствии командира роты он вызывал конкретного военнослужащего, по фамилии. Ротный говорил «есть!», но сам представить не мог, что вызываемого в роте нет. Тогда Таджикибаев, ротный и я ехали в то место, где расслаблялся наш военнослужащий. При этом он никогда не ошибался. Как он мог знать точное место, от кого получать информацию, я так и не узнал за три года совместной службы.

Майор Таджикибаев обладал острым, аналитическим умом, «играл» с показателями по воинской дисциплине, служебной деятельности так, что они всегда были положительными. Он и меня научил этому. Кроме того, через три года, когда он снова взял меня к себе, теперь в состав политотдела бригады воинской части 6642 Узбекской ССР, научил грамотно писать доклады на партийные, комсомольские конференции. Искусство политработника в аналитической работе не раз помогало мне выходить из сложнейших ЧП, ситуаций, возникавших в повседневной жизни.

Вспоминая годы службы в Ташкенте, не могу не сказать о том, как сложилась жизнь людей, окружавших меня, прежде всего Валеры Бармакова и Саши Выприцкого. Как я уже говорил ранее, мы втроем жили в летней кухне. У окна спал Саша, рядом с ним – Валера, у стенки – я. Первым покинул наше «гнездышко» Саша. Он был среднего роста, с русыми, коротко стриженными волосами, карими глазами. По жизни он был флегматичным, спокойным, тихим, но при этом очень любил азартные игры, поэтому часто приходил домой утром, сонный, нередко занимал у нас деньги. Это всегда означало, что он вновь проигрался в карты. Встречался Саша с нашей соседкой Таней – племянницей хозяйки. Дело шло к свадьбе, но летом 1968 г. он уехал в отпуск в станицу Кавказскую, откуда вернулся с молодой женой, своей землячкой. Трудно было описать состояние Тани и ее родственников. Да и мы с Валерой оказались заложниками непростой ситуации. Саша снял квартиру и съехал, а Таня очень долго тосковала. Мы до сих пор поддерживаем с ней связь. Я помог ее сыну устроиться на службу, стать офицером, и теперь они живут в городе Ростове. Судьбу Саши не знал до 1992 г., пока по службе не попал в Орджоникидзе (ныне Владикавказ) и не встретил его в училище полковником, начальником кафедры.

На освободившееся место у окна переместился Валера, я свою койку не двигал. Через полгода к Валере приехала его школьная подруга Людмила из Воронежа, и он тоже женился. Интересной была наша встреча в аэропорту Ташкента. Получив телеграмму о прилете Люд-

милы ночным рейсом, в 00.00 по ташкентскому времени, Валера попросил меня взять у моего шефа «УАЗ-69». Майор Таджикибаев не отказал в просьбе. Мы выехали в аэропорт. Люду я в лицо не знал, лишь видел ее фото. Прибыв в аэропорт и купив цветы, Валера побежал встречать ее, а я остался у входа в здание. По радио объявили о прибытии рейса из Воронежа, прилетевшие выходили в зал прилета, а Валеры все не было. Вдруг я увидел вышедшую на порожек вокзала девушку с маленьким чемоданчиком, искавшую глазами кого-то. Я, недолго думая, подошел к ней, представился. Она спросила: «Где Валера?». Буквально сразу же выбежал Валера с букетом цветов. Как он разошелся с ней, не знаю, но именно с этой минуты и по сей день мы являемся очень близкими друзьями: он с Людой и их двумя детьми и я со своей семьей.

Валере мы нашли квартиру в небольшом барачном домике около озера, на окраине Ташкента. Затем ему выделили однокомнатную квартиру.

Мне показалось, что идея перемещать кровать к окошку может привести к «нехорошему», что не входило в мои планы. Я был еще в поиске. Переписка с сестрой Валеры – Людмилой и короткая встреча с ней на его свадьбе не принесли мне уверенности, что она моя судьба. Мы расстались, а замены не было. Я отдался работе. У меня было много знакомых девушек из числа стюардесс, ткачих, которые выступали в моем ансамбле. Нравилась мне одна из них – Валя из Челябинска, но наши отношения так и не дошли до свадьбы. Окружавшие меня одинокие женщины в штабе части и дивизии предлагали свои варианты в выборе подруги. С их помощью я познакомился с одной из них и в августе 1969 г. женился. Все мы, трое выпускников, за два года обзавелись семьями, но лишь с Валерой и его семьей стали близкими.

Служба продолжалась, жизнь закаляла нас в суровых армейских буднях. Чем только не приходилось нам заниматься. За эти годы я стал штатным заместителем командира учебной роты по политчасти после получения молодого поколения. Моим командиром был офицер боевой подготовки капитан Г. Чертков, пунктуальный, властный, не терпящий рассуждений от подчиненных, но хороший организатор своего дела. На учебных сборах всегда были мои однокурсники: лейтенанты Чернышов, Бардаков, Антонов, Бармаков. Работая с призывниками, я набирался опыта общения с людьми. Главное – нужно было разобраться в каждом призывнике, заглянуть ему в душу, найти подход. Только так дело спорилось.

Учебный центр располагался в пустыне, рядом с колхозными полями, где росла пшеница. В выходные дни все офицеры уезжали отдыхать, а мне надо было оставаться с людьми и обеспечивать порядок. Однажды Г. П. Чертков, уезжая домой, поставил мне задачу очистить поле от высокой травы перед мишенной обстановкой. Я вызвал хорошо зарекомендовавшего себя заместителя командира взвода и поставил задачу со своим взводом выполнить поставленную командиром роты задачу. Сам же по плану выходного дня организовал спортивные соревнования по футболу, волейболу, перетягиванию каната. Ближе к обеду ко мне подбежал дежурный по учебному центру и доложил, что горит трава на полигоне. У меня защемило сердце, ведь вокруг полигона росла созревшая пшеница и не дай бог она загорится. Подняв весь личный состав по тревоге, приказал взять саперные лопатки и бегом выдвигаться к горевшему полю. Заместитель командира взвода доложил мне, что принял решение ускорить выполнение задачи. С этой целью приказал подопечным провести трассировку участка по всему периметру на ширину двух саперных лопат, порядка 30–40 см, а затем поджег сухую траву. Все было хорошо, пока не подул ветерок с юга, огонь перекинулся через очищенную полосу и пошел на колхозные поля. Наши усилия остановить саперными лопатами бегущее пламя не давали положительных результатов. Тогда я приказал всем снять гимнастерки, намочить их в арыке, что протекал в 200 м, зайти со стороны пшеничного поля и цепью мокрыми гимнастерками сбивать пламя. Наша атака на огонь начала давать результаты, но гимнастеркам пришел конец. Они подсохли, начали гореть, и под конец борьбы с огнем от них практически ничего не осталось, в том числе и от моей. Потушив пожар, я подвел всех к арыку, приказал отдохнуть, умыться,

взять остатки гимнастерок и следовать в распоряжение учебного центра. Сам же задумался и понял, что был в шаге от тюрьмы за причиненный колхозу ущерб. А ущерб был бы огромный.

В понедельник по прибытии командира доложил ему, тот – командиру части. Тот приехал очень быстро, выслушал мой доклад, дал мне оценку, поехал к председателю колхоза. Через два часа прибыли два трактора и пропахали вокруг колхозного поля пшеницы полосу метров десять. Шестьдесят четыре гимнастерки списали, мне объявили взыскание, а заместитель командира взвода сняли с должности. Это ЧП научило меня на всю жизнь понимать, что задачу подчиненным надо ставить четко, постоянно контролировать их и требовать неукоснительного выполнения. Офицер ответственен за отданный приказ, за судьбу каждого подчиненного перед собой, его родными и близкими. И чем больше звездочек на погонах, выше занимаемая должность, тем серьезнее ответственность.

Я твердо уверен, что в армии XX века, в которой мы служили, были заложены такие основы прохождения службы, чтобы от лейтенанта до маршала офицеры проходили все ступени ответственности за личный состав. Офицер должен пройти через взвод, роту, батальон, полк, дивизию и т.д., и лишь тогда он будет готов принимать правильные решения и нести за них ответственность. В этом я убеждался не один раз в жизни, о чем расскажу позже.

В 1969 г. на плечи личного состава нашей части легла очень ответственная задача: оказание помощи населению поселка Беруни Каракалпакской автономной области Узбекистана. Зима 1968/69 г. выдалась снежной, весной началось половодье, многие реки вышли из берегов. Вода пошла на глинобитные дома, сносила их без всяких препятствий. Сырдарья разлилась, поднятые по тревоге авиаторы из г. Мары Туркменской республики бомбили лед, оберегая мосты, но вода приносила беды. В середине марта 1969 г. нас подняли по тревоге и поставили задачу выдвинуться в поселок Беруни для проведения спасательных работ и поддержания общественного порядка, охраны имущества граждан и государства.

Мы загрузили имущество: кровати, матрацы, полевые палатки, кухни, дизели. Личный состав был погружен в Ил-18 и вылетел в г. Нукус. Техника шла своим ходом. В аэропорту мы провели на своем участке выборы в Верховный Совет СССР. После обеда транспортной авиацией, вертолетами нас начали перебрасывать к месту выполнения задачи. С борта самолета я наблюдала ужасную картину: вода затопила все дома, постройки, фермы. Люди сидели на крышах домов, деревьях, махали нам руками, просили о помощи. Половина поселка, около 12 тыс. человек, жила в глинобитных домах, другая – на противоположной стороне возвышенности – осталась целой. Там были постройки из кирпича, и они уцелели.

Нас разместили в школе ПТУ, первый этаж был частично затоплен. По деревянным трапам мы поднялись наверх. Командир части подполковник Н. В. Цицилин принял решение разместить личный состав на 2–3-м этажах, а офицеров, сверхсрочников, склады – на 4-м этаже. Во дворе ПТУ находилась столовая, которая чудом устояла и была в рабочем состоянии, что помогло нам организовать трехразовое горячее питание.

На следующее утро рекогносцировочная группа части с представителями администрации сельсовета и области определила объем работ. Решено было проводить работы по следующим направлениям. Первая команда занимается спасением граждан, их размещением в безопасном месте и вывозом из района ЧС. Вторая – вывозом материальных ценностей из магазинов, складов, с баз и охраной личного имущества граждан. Третья – захоронением павшего скота. Район был холерный, скота погибло много, и надо было его вывозить и организовывать могильник. Четвертая – наращиванием береговых укреплений вокруг поселка. По этим направлениям был распределен личный состав, и мы приступили к выполнению боевой задачи. Командир части установил порядок выполнения задачи, меры безопасности, чтобы не потерять личный состав, порядок организации питания и взаимодействия с представителями администрации и местным населением. Особое внимание уделялось недопущению фактов мародерства, которые уже имели место до нашего приезда.

Мне пришлось принять участие в работе по всем четырем направлениям, чтобы быть ближе к своим комсомольцам. Работа по спасению населения для меня оказалась менее трудной, но очень опасной. Лед на реке был не очень крепким, и снимать людей с крыш затопленных домов, с чердаков требовало точного расчета, чтобы не рисковать личным составом. Надо было подплыть к дому среди льдин, закрепить лодку, подняться на крышу и по закрепленным трапам спускать обезумевших от страха людей. Тяжко было спускать женщин, стариков, детей, особенно полных, которые раскачивали лодку, что могло привести к ее опрокидыванию.

Вторая задача решалась более простым способом: как можно ближе подъехать к разрушенному водой магазину и по конвейеру, вручную подавая друг другу ящики, коробки, грузить их в машину. Внутри трудились два-три человека, которые отбирали товар, упаковывали и подавали. Выбрав товар и вынеся его на улицу, мы сортировали его по назначению. Водка и другие напитки грузились в одну машину, остальные продукты и вещи – в другую. Развозили мы их по отдельно подготовленным складам.

Обед был на месте, питались консервами, соками, печеньем. Конечно, были случаи употребления спиртного, так как уследить за всеми было невозможно. Обнаружив выпивших солдат, командир части подполковник Н. В. Цицилин потребовал усилить контроль за употребившими спиртное. Наутро с ними беседовали и снова везли на работу. Рабочих рук не хватало, люди трудились с мокрыми ногами, просушить обувь в местах обогрева не всегда получалось.

Командир части решил, что, если выехать с командой на вывоз товаров, он сможет понять, как избежать фактов пьянства. Он прибыл, стал наблюдать. Наступило время обеда. Каждый солдат взял то, что хотел на обед: консервы, печень, колбасы. Командир ходил и спрашивал: «Как дела?». Солдаты отвечали: «Хорошо». В конце обеда личный состав открывал соки, варенье. В завершение рабочего дня командир обнаружил нескольких человек с запахом спиртного. Он сел рядом с ними и, не ругая, спросил, как они обманули его, на что получил четкий ответ: открывая соки, вливали туда водку или вино, размешивали ложкой и выпивали на глазах командира. Вечером на совещании командир части объявил решение разрешить принимать «наркомовские 100 грамм», но под контролем офицеров или старшин команд.

Работа во главе третьей команды была самой неприятной и опасной. Эту команду между собой мы называли «похоронной». В нее входили семь-восемь человек, два самосвала, автокран. Работы по вывозу павших животных проводились совместно с представителями санэпидемстанции, в спецодежде. На команду выделялось до двух литров чистого медицинского спирта. Им мы обрабатывали руки, протирали лицо перед каждым приемом пищи. Спирт разливали по фляжкам. Иногда он оставался, и мы приносили его домой, где хранили на складе для особых случаев. За сутки вывозили до трех десятков животных – коров, коз, собак на скотомогильник, где их трактором закапывали. Техника обрабатывалась химикатами, спецраствором, личный состав подвергался обработке спиртом.

Команда по берегоукреплению работала в две смены. Она наполняла песком мешки и укладывала их. На берегу реки было холодно. Для обогрева личного состава использовались палатки с маленькими газовыми плитами. Там можно было из армейских термосов попить чай с печеньем, обогреться. Иногда разрешали выпить вина под контролем офицеров.

Ночью поселок охранялся патрулями с фонарями. Патруль не раз ловил мародеров, приехавших на личном транспорте из Нукуса и прилегающих поселков. Особо охранялся банк. Из разрушенного здания мы переместили его в помещение военкомата и там наладили работу. Через неделю были открыты несколько торговых точек, заработал банк. Жизнь в поселке восстанавливалась. За двадцать дней основные работы были завершены, о чем командир доложил по радио в штаб дивизии. Получив положительный ответ, покинуть район ЧС нам помешала местная партийная элита, которая обратилась с просьбами к Первому секретарю ЦК КПСС Узбекистана Рашидову, и нас оставили. Командир части с разрешения командира дивизии решил покинуть район скрытно, ночью. Была проведена соответствующая работа с личным

составом, имущество загружали ночью. Очень достойно повел себя командир части. Он приказал провести общее построение личного состава с вещами по категориям: офицеры, сверхсрочники, срочники. Выложил из своего чемоданчика все содержимое и приказал сделать то же самое офицерам. Обнаружив у подчиненных модные рубашки, женскую обувь и другие вещи, приказал отнести их в центр построения, и по общему согласию все было уничтожено огнем. Так личным примером он показал, что надо всегда быть честным перед собой и подчиненными.

Убыли мы колонной на Нукус. Там нас разместили в общежитии пединститута, где мы отдохнули, поели. Дали время для отдыха водителскому составу и на другой день двинулись в Ташкент.

Обстановка в республике была сложной, мы нужны были для усиления сил правопорядка. Вовсю шло расследование «узбекского дела»: на стадионе «Пахтакор» националисты устроили массовые беспорядки. Народ боялся выйти на улицы по ночам. Времени для отдыха не было, и нас снова бросили в «бой» по охране правопорядка. Такая обстановка в городе сохранялась несколько месяцев, затем межнациональные столкновения стихли. Изолятор КГБ был забит задержанными, в милицейских изоляторах обстановка была такой же. Из центральных районов СССР в Ташкент стягивались дополнительные силы правопорядка. У простых тружеников хлопковых полей не было времени бастовать: они убирали урожай хлопка, который достигал пяти миллионов.

Часть жила своей жизнью. Меня с товарищами вновь отправили на сборы молодых солдат. По окончании сборов, после принятия военной присяги нас впервые отправили на уборку хлопка в один из районов республики. Жили мы с молодыми солдатами в местном спортзале, питались из полевых кухонь. Уборка хлопка – тяжелый труд. За день каждому надо было собрать по 40кг хлопка. В фартук складывались головки созревшего хлопка. Работая согнувшись, солдаты падали к концу дня, но выполнить норму не могли. Я видел, что работавшие на соседнем поле школьники выполняли норму. Меня заинтересовало, каким образом они это делают. Все оказалось просто: в фартук бросали куски земли, иногда мочили хлопок, и он сразу тяжелеет. Конечно, я не мог позволить подчиненным поступать так же, но навыки за месяц мы приобрели хорошие. Совхоз, в котором мы трудились, никогда не выполнял план, а тут возьми и выполни. Председатель совхоза, Герой Советского Союза, пригласил нас на праздничный ужин. Накануне он приехал в спортзал в форме и привез каждому солдату по ценному подарку, а на обед выделил в нашу столовую большого барана. На следующее утро мы покинули совхоз и прибыли в Ташкент. Через несколько дней состоялся съезд ВЛКСМ Узбекистана, где меня избрали делегатом 16-го съезда ВЛКСМ.

Жизнь уверенной поступью вела нас вперед. Мы выросли, набирались опыта, подрастала и наша смена. Валеру перевели в город Навои в воинскую часть 6642 начальником физподготовки. Мне предложили должность помощника начальника политотдела части по комсомольской работе. Место службы можно было выбрать: Душанбе или Ашхабад. Я выбрал Ашхабад, так как там было свободным место работы для жены. Надо было осваивать новое место службы с большим объемом работы, в сложных климатических условиях. Дневная температура доходила до 50 градусов в тени. Нередко дул «афганец» с песком, случались селевые потоки. Отличалась и служба, причем коренным образом, от той, что была в Ташкенте. Охрана ИТК – это тяжелый, изнурительный труд солдат и офицеров. Виды служебных нарядов были разные. Ряд подразделений охраняли ИТК, другие имели выводные объекты, третьи обеспечивали заседания городских, областных, республиканских судов. Мне надо было определить главные направления в работе с молодежью. Что сразу бросилось в глаза, так это большая физическая нагрузка, отсутствие достаточного личного времени для снятия морально-психологической усталости, которая постоянно накапливалась, и требовалось найти такие формы работы, чтобы оградить срочников от влияния преступного мира. Преступники склоняли солдат, сержантов, сверхсрочников к запрещенным связям в обмен на деньги, сувениры и подарки от род-

ственников. Все это требовало четкой организации службы, всего воспитательного процесса на всех уровнях: в караулах, нарядах, роте, особенно в личное время. Во главе всей этой деятельности лежали индивидуальная работа, получение достоверной информации от актива, чтобы действовать на упреждение. Только решив эти вопросы, можно было избежать фактов запрещенных связей, пьянок, употребления наркотиков, попыток самоубийства и т.д.

Мне пришлось столкнуться и с проблемой: где солдат может отдохнуть, написать письмо домой, какую программу телевидения посмотреть или какой фильм увидеть в клубе? Таким очагом отдыха, общения были ленинские комнаты в ротах, клуб части. Со старшими товарищами мы составили график реконструкций этих комнат, с начальником клуба обсудили репертуар фильмов, чтобы большинство из них помогало снять морально-психологическую усталость. Внесли предложение командиру части изменить распорядок дня в предвыходные и выходные дни, дать больше личного времени. Там, где вблизи были водоемы, организовали под контролем офицеров купания, ловлю рыбы. Особое внимание уделяли игровым видам спорта: футболу, волейболу, баскетболу; выездам на природу: Бахарденское озеро, Фюризинское ущелье.

Мне запомнилось несколько случаев из перечисленных выше форм работы с молодежью. Наиболее сложный морально-психологический климат сложился в г. Мары. В данной роте командиром был туркмен, который развалил работу с офицерскими кадрами, личным составом. Командир части полковник С. Т. Желнов давно бы снял его с должности, но у того были связи в ЦК КП Туркмении, МВД, и попытки уволить его не давали результатов. Ленинская комната тоже была в запущенном состоянии. Командир части поставил мне задачу выехать в роту и в течение 14 дней привести ленинскую комнату в порядок, изучить состояние дел на месте и подготовить подробную аналитическую справку. Командир части знал меня давно: до назначения в полк он работал в штабе дивизии г. Ташкента. Прибыв на место, я увидел, что личный состав распушен до предела, поднимается с постелей лишь по сигналу «тревога». Командир роты майор Чарыев утром отдаёт приказ, стоя перед строем в нижнем белье, в сапогах на босу ногу. В выходные дни личный состав на целый день заводили в клуб и крутили фильмы сомнительного содержания. Выход из клуба контролировал дежурный офицер, а со стороны окон – служебные собаки. Художника-оформителя в роте я не нашел и решил попросить помощи у начальника ЛТП в п. Байрам-Али. Выехал туда, встретился с руководством профилактория, где лечили наркоманов и алкоголиков. Заодно изучил методы лечения, и это надолго осталось в моей памяти. Заместитель начальника ЛТП, майор, фамилию уже не помню, показал, чем и как они работают с таким контингентом. Особенно меня удивила богатейшая художественная мастерская, где работали шесть художников. Всю эту команду возглавлял заслуженный художник Туркменской республики.

Я изложил ему суть просьбы и основные требования к оформлению, показал эскизы, сделанные мною. Заслуженный художник попросил 10 дней на решение этой задачи при следующих условиях: жить и питаться он должен в роте, а по окончании работ ему нужен отпуск домой на 10 суток. Руководство ЛТП отпустило его со мной под мою личную ответственность на 10 дней. Он работал день и ночь и за 8 суток своими материалами, красками сделал образцово-показательную ленинскую комнату.

Меня многое удивило в этом художнике: талант, скромность, трудолюбие и легкость характера. Он объяснил мне, что постоянно попадает в ЛТП по настоянию жены, которая после получения им гонорара за выполненную работу забирает деньги, предварительно устроив скандал в семье. Сколько искалеченных судеб в то время я увидел в ЛТП и ИТК! Именно тогда я понял, что жизнь не прощает нам ошибок, за все совершенное надо нести ответственность.

Прибыв в часть, я доложил руководству о результатах работы. Командира роты майора Чарыева удалось переместить на должность, не связанную с работой с личным составом.

Помню и такой эпизод из своей комсомольской жизни. Приехав в очередной раз в командировку в п. Джанга под Красноводском, где командиром роты был мой старый знакомый по батальону в Ташкенте Геннадий Чертков, а заместителем по политчасти – мой однокурсник по училищу Иван Стрижак, я столкнулся с проблемой: где лучше помыться – в солдатской бане или Каспийском море? Именно такой вопрос задал командир роты капитан Чертков личному составу. Ответ был один: «В море». Я пошел вместе с личным составом. Солдаты взяли чистое белье, 100-литровый бак для воды. Когда мы пришли на берег залива, вода была спокойной, залив словно замер. Солдаты быстро разделись и по команде вошли в воду, глубина небольшая. Чтобы дойти до уровня 150–160 см, надо было преодолеть расстояние до 100–110 м. Вода была теплая, прозрачная, видна была плавающая рыба. Часть военнослужащих занялась ловлей рыбы. Они поднимали листы шифера, уложенные заранее, куда заходили бычки, и с двух сторон ловили их, складывая в питьевой бачок. Вторая группа купалась. Купание длилось около двух часов, затем построение, расчет личного состава. Забрали наловленных бычков, а их оказалось немало – около 30 кг, и шли в роту радостные, отдохнувшие, готовые снова нести службу. Вот что сделали море, рыбалка, свежий воздух.

С влиянием водных процедур позже я столкнулся при выполнении задач по охране общественного порядка в Абхазии в 1988 г., о чем расскажу дальше.

Служба в конвойном полку застала меня врасплох. Сразу после прибытия в часть, которая стояла напротив железнодорожного вокзала, я столкнулся со многими проблемами. Однажды, заступив на службу дежурным по части, под утро, примерно в 4 часа, получил сигнал от караула по охране осужденного в республиканской больнице, что охраняемый преступник умер. Я, недолго думая, дал команду снять охрану и прибыть в часть. Мою команду приняли, и войсковой наряд прибыл в часть. Буквально через 10–15 минут от дежурного республиканского МВД поступил сигнал: на каком основании я снял охрану в больнице? Я ответил: «Охраняемый умер». На это дежурный ответил, что надо охранять и далее, иначе труп заберут родственники и до восхода солнца похоронят без результатов вскрытия. Я извинился, так как не знал местных обычаев, и вновь послал наряд.

Второй раз, будучи дежурным по части, столкнулся с вопиющим фактом прямого невыполнения приказа военнослужащим. Я пришел в АТР на подъем и наблюдал за выполнением данной команды. Один военнослужащий команду дежурного не выполнял, лежал в кровати, укрывшись одеялом, на «подъем» не реагировал. Тогда я дал команду дежурному по роте построить личный состав под козырек, поставил задачу встать в строй лежавшему в кровати. Он команду не выполнил. Терпеть такое унижение я не стал, вызвал из внутреннего караула трех человек и приказал поднять военнослужащего с кровати и доставить на гауптвахту. Что и было сделано силой личного состава караула.

По прибытии утром командира части доложил ему рапортом. Позже я понял, что нарушителем оказался сын Председателя Совета Министров Туркмении. Я сменился, и меня сразу пригласил к себе командир части полковник Желнов. Он объяснил мне, что я действовал по уставу, но есть маленькое «но». Это было и так понятно, ведь национальный вопрос в полку был болезненным, и командиру приходилось везде учитывать этот фактор, а тут моя принципиальность. Конфликт надо было решать мирным путем, не унижая меня, и не допускать подобного далее. Ведь в части национальный характер был ярко выражен. В штабе на различных должностях служили два бывших сотрудника МВД республики, начальник и старший инструктор политотдела имели родственников на уровне секретарей ЦК и обкома партии. Все руководящие должности в полку назначались только с согласия ЦК КПСС Туркмении, чего ранее я не встречал в Узбекистане. Через час меня снова пригласил в кабинет командир части. Там сидел неизвестный мужчина – хорошо одетый туркмен. Командир представил меня и гостя, им оказался отец нарушителя. Командир попросил меня изложить суть случившегося, что я и сделал. Папаша выслушал меня, попросил привести в кабинет сына и, когда его привели,

сразу вклеил ему оплеуху, заругавшись русской бранью. После долгих разборок с участием прибывшего военного прокурора было принято компромиссное решение. Военнослужащий, не выполнивший мой приказ, приносит мне извинение в присутствии всего личного состава роты и отправляется на 10 суток на гауптвахту, а затем с должности водителя легкого автомобиля направляется в конвойную роту на самую высокую вышку.

После случившегося мой авторитет значительно вырос не только среди комсомольцев и личного состава, но и среди офицерского корпуса. Своими действиями я ограждал командира части от преследования местных властей, так как сообщил о случившемся военному прокурору. Наш шаг по помилованию сына руководителя республики высокого уровня выглядел компромиссным, а с другой стороны, он показал подчиненным, что Воинский устав должен быть законом для каждого военнослужащего.

Жизнь в полку была сопряжена с большими нагрузками. Мне приходилось быть в командировках до 240–250 суток. Весной 1970 г. я уехал на 16-й съезд комсомола. Это было великолепное зрелище: почти 5 миллионов человек из числа молодежи из всех регионов могли общаться друг с другом, делиться проблемами комсомольской работы. Вернулся я в часть как герой, меня всюду приглашали и просили рассказать о съезде.

В моей памяти остались встречи с нашими героями с острова Даманский. С одним из них – Бабанским позже я встретился в Военно-политической академии им. В. И. Ленина. Помню концерт, в котором принимала участие А. Пахмутова, встречу с членами Военного Совета ВВ МВД СССР.

Рос мой авторитет, что совсем не радовало моего начальника политотдела подполковника П. М. Максимова. Это был флегматичный, ограниченный человек с высоким мнением о себе. Я часто видел его сидящим в своем кабинете у окна: он фиксировал время прибытия на работу и убытия сотрудников, а также на обед, с обеда и т.д. Всей работой политотдела руководил его заместитель майор И. К. Сергиенко. Это был очень ответственный человек, вечно погруженный в бумажную работу, но добрый, готовый всегда прийти на помощь.

Несколько слов о своем прямом начальнике подполковнике Максимове. Однажды, когда я возвращался со встречи с комсомольцами милицейского батальона с портфелем, где лежала папка делегата 16-го съезда ВЛКСМ, он увидел меня из окна и пригласил к себе в кабинет. Первый вопрос, который он задал мне, звучал так: «Ты кто?». Я ответил: «Ваш помощник». На это он посоветовал мне ходить не с портфелем, а с авоськой, так как с портфелем может ходить только он, как начальник политотдела. В политотделе работал еще один сотрудник – представитель местной диаспоры майор Бердымухамедов. Высокий, худощавый, с большими, выступающими вперед передними зубами, он спал и видел себя начальником политотдела. И тут подвернулся случай стать таковым. Нашего начальника по рекомендации ЦК КПСС Туркмении назначили начальником УВД вновь созданной Ташаузской области. Бердымухамедов самостоятельно занял кабинет начальника. Командир части сигнализировал в штаб и политотдел дивизии, те пытались представить свою кандидатуру на должность начальника политотдела. ЦК КПСС Туркмении предлагал кандидатуру Бердымухамедова. Не найдя компромисса, к нам прислали подполковника с Украины, который оказался слабым, безвольным человеком, не стал опорой командира в решении повседневных задач. Он был неустойчив в принятии решений, словно перекаати-поле: принимал решения, потом отказывался от них и метался из стороны в сторону. Бердымухамедова перевели в УВД Ташаузской области заместителем начальника УВД области. Он был счастлив, а мне вновь пришлось столкнуться со своим начальником и товарищем по работе, находясь в служебной командировке.

Примерно через год, в 1971 г., в составе группы управления мне пришлось принимать экзамены у личного состава Ташаузской роты на осенней проверке. Комиссия части состояла из трех человек, председателем был назначен заместитель командира части по общим вопросам подполковник Я. М. Кравцов. У меня было дополнительное задание от командира части

и начальника политотдела – глубоко изучить моральный климат в коллективе. От личного состава поступали сигналы о том, что командир роты злоупотребляет служебным положением, обложил личный состав поборами к различным праздникам и на свой день рождения. Он назначал день и время посещения, «приглашенный» был обязан накрыть хороший стол и вручить подарок ему и его жене.

Встречали нас в аэропорту, как правительственную делегацию. Делегацию на встрече возглавлял подполковник Бердымухамедов. Для трех человек они предоставили три легковых автомобиля с мигалками. Нас повезли в единственную в районе гостиницу, где стояли в строю первый секретарь РК КПСС, начальник УВД района, председатель исполкома и командир роты. Мы разместились в отдельных номерах, после чего Бердымухамедов повез нас показывать районный город с населением порядка 30 тысяч человек. Самым большим промышленным объектом был хлопкоочистительный завод, следы его работы мы видели всюду, когда ехали из аэропорта в гостиницу. На деревьях, проводах висели кисти хлопка. Мы приехали в УВД. Бердымухамедов завел нас к начальнику УВД генерал-майору Максимову. Тот извинился, что не может уделить много внимания, так как в район прибывает Первый секретарь ЦК КПСС Туркмении. Опекать нас он поручил своему заместителю по ЧС. В наше распоряжение было выделено два легковых автомобиля, так как в роте имелся только один автозак. Затем нас повезли на обед, после чего Бердымухамедов пригласил к себе домой. Он показал два больших кирпичных дома, обнесенных кирпичным забором. Дома были одинаковые. Мы зашли во двор. Слева у забора стояло примерно семь кирпичных хозпостроек. Нам открывали их и показывали, что в них находится: арбузы, дыни, скот, корова, овцы. Затем мы вошли в дом из восьми комнат. Ни одного домочадца мы не встретили, хотя у хозяина было семеро детей. Как они перемещались, я не знаю. В большой столовой нам предложили сладкий стол, но мы отказались. Бердымухамедов в конце экскурсии по своему дому сказал, что за забором находится дом начальника УВД Максимова.

Прибыв в роту, мы приступили к проверке согласно плану, рассчитанному на три дня. Вечером нас отводили каждый раз в другой дом и обильно угощали. На третий день мы подвели итоги работы в роте и по плану должны были улететь в Ашхабад в 15.00, а на 11.00 была назначена встреча у начальника УВД. Он нас принял и сказал, что наша командировка продлевается еще на два дня, этот вопрос согласован с командиром части полковником С. Т. Желновым.

На два дня нам предложили большую культурную программу с посещением интересных мест по всему району и обильными застольями. На второй день мы уже были довольно уставшие, и нам хотелось быстрее покинуть гостеприимный Ташауз. Но без доклада начальнику УВД уехать не могли. Примерно в 11.00 в день убытия он нас принял и еле-еле уговорил старшего комиссии поставить роте хорошую оценку. Затем мы поехали в лучший ресторан на обед, который стал затягиваться. Наши попытки остановить застолье не увенчались успехом. Мой бывший шеф заявил: «Самолетик вас подождет». В аэропорт мы приехали с опозданием в 30 минут. Пассажиры сидели в самолете и ждали нас. Я был удивлен силой местных властей пойти на это, ведь там было более 30 пассажиров, и никто не возмутился, сидели тише воды, ниже травы, поглядывали на нас и скромно опускали головы.

Прибыв в часть, мы доложили командиру части о результатах проверки и о том, что командир роты действительно потерял совесть и уронил честь офицера. По национальности он был уйгур, достигший пенсионного возраста, и командир части принял решение вызвать его на аттестационную комиссию и предложить написать рапорт об увольнении по собственному желанию. На комиссии он отказался писать рапорт об увольнении. Тогда ему предъявили материалы расследования по всем фактам его злоупотреблений. Он все опроверг и убыл в роту, где сразу начал преследование тех военнослужащих, кто дал мне показания. На следующий день после его возвращения в роту один из военнослужащих не сдержался и решил пойти на крайние меры. Будучи часовым КПП по пропуску сотрудников колонии, он при проходе через

КПП командира роты закрыл его в проходном коридоре, парализовав работу ЛТП на несколько часов. Лишь после личных переговоров с командиром части и его обещаний уволить командира роты тот был уволен по служебному несоответствию. Для нормализации обстановки в роту была направлена комиссия по приему-передаче дел и должностей.

Ашхабад – прекрасный город: вечно зеленый, чистый, с большими, широкими проспектами. Центральный проспект был длиной 11 800 метров, ровный, просматривался от начала до конца. Огромные лиственницы, посаженные вдоль проспекта, разрослись, их кроны образовывали сплошную зеленую арку. Город был хорошо отстроен после землетрясения 1948 г., в нем появилось много красивых, самобытных, с национальным колоритом зданий. Население в основной массе составляли туркмены, русских и других национальностей было 15–20%. Снабжение было великолепным: на прилавках магазинов было все, что хочешь, в том числе в нашем военторге. Отношения с местным населением были равные, без конфликтов, в отличие от Узбекистана. Народ жил бедно, в глинобитных домиках, мясо кушали по праздникам, основной пищей служили чай, лепешки, фрукты, зелень.

Народ, живущий там, строго придерживался обычаев. Со многими мы, приезжие, были не согласны. Дико было смотреть на неравные браки, когда девочек 11–13 лет продавали за 6–8 тысяч рублей. Мужу было 45–50 лет. Жен у него было не менее 2–3. Но, что удивительно, имея большую семью, отец обеспечивал их материально. Пьяных на улицах и в скверах я не увидел за три года службы. Женщины выступали против такого неравноправия, часть из них сжигали себя, обливая керосином. Одну такую акцию протеста я воочию увидел в г. Навои, куда после акта саможжения привезли девочку 13 лет. Ожоги составляли 80% тела. В Туркмении таких актов случалось в среднем от 55 до 70, в Узбекистане подобных фактов было меньше, да и за невест выкуп составлял 4–6 тысяч рублей. Часто встречались браки, где первая жена была русской. Как правило, в таких семьях рождались очень красивые дети-метисы.

Современная застройка в городе велась с учетом проживания больших семей. По этой причине я долго не мог получить однокомнатную квартиру, так как их не строили. Мне пришлось жить в подсобном помещении: на вещевом складе, куда мы купили диван-кровать, холодильник, шкаф. Пищу готовили на керосине. В туалет и душ ходили в лазарет, который располагался рядом со складом.

Командир части полковник С. Т. Желнов был хорошим хозяином: вся территория была засажена цветами, здание покрашено, на территории располагались два бассейна с рыбками, утопающий в зелени спортгородок. Спорт был слабостью командира части. Занятия спортом были святым делом. Два раза в неделю с 08.00 до 10.00 все от мала до велика выходили заниматься спортом, в том числе женщины. Всегда долго бились две команды управления по волейболу. В одной из них играл командир части вместе со своим штабом, а офицеры политотдела и тыла были во второй команде. Ударной силой в штабе был начальник физподготовки капитан Анатолий Дурдыев. Он был женат на русской женщине. Мы с ним стали друзьями, особенно когда я получил однокомнатную квартиру рядом с ним. С Толиком мы часто ездили в командировки, выступали за сборные команды части по волейболу, баскетболу, стрельбе. Он приучил меня к пиву, которое я буду помнить всю жизнь. Варил его специалист, чех по национальности. Рыбу мы привозили из Красноводска с рыбзавода. Цены были смешными: вобла – 88 копеек, лещ вяленый – 92 копейки, копченый – 1 рубль 8 копеек. Брали ящиками. Организм требовал утоления жажды. По городу через каждые 100 метров стояли бочки с пивом, морсом и квасом. Я и моя семья научились охлаждать напитки без холодильника. Мочили полотенце, оборачивали им бутылку и в авоське вывешивали на свежий воздух. Вода испарялась и охлаждала содержимое.

Я получил квартиру на пятом этаже. Под окнами разбили цветник, посадили арбузы. Свой сад-огород поливали из шланга. Удивительно, но в песке все росло быстро. За нашим домом были горы, в пригорье по весне росли красные маки, их было море. В пустыне были

пастбища, в ряде районов рос хлопок, а в 1972 г. в районе г. Мары нашли нефть и газ, и республика приступила к их освоению. В части было свое большое подсобное хозяйство, где солдаты из группы «Н» выращивали свиней, коров. Командир части создал себе рабочую команду, и за два года ему удалось освободиться от балласта, что сказалося на результатах служебно-боевой деятельности.

Часть занимала одно из ведущих мест в дивизии и ГУВВ. Вошел в эту команду и я, примерно в октябре 1971 года. Мне предложили должность заместителя командира батальона по политчасти в г. Чарджоу. Я отказался, так как решил поступать в 1972 г. в Военно-политическую академию, о чем честно сказал командиру части, а на должность замполита батальона предложил капитана Иващенко, заместителя командира первой роты. Он был старше меня, с большим опытом работы в конвойных войсках и переживал в звании. Мое предложение понравилось командиру части, он подписал мой рапорт о поступлении в академию.

Учитывая, что в академию надо было сдавать такие экзамены, как математика, физика, мне пришлось нанять репетитора. Сборы абитуриентов проводились в Москве, длились около двух месяцев, а затем в лагере академии в Кубинке мы сдавали экзамены. В 1972 г. Москва задыхалась в дыму: горели торфяники в Подмосковье, рядом с Кубинкой. Экзамены представители ВВ МВД сдавали сложно. После каждого испытания наши ряды теряли по пять человек, и к последнему экзамену по истории КПСС мы подошли строго в нужном для поступления в группу МВД количестве. Именно в это время моя жена Римма приехала ко мне в гости, и я отпросился у командира группы на сутки съездить в Москву к ее родственникам. Он согласился меня прикрыть, но, увы, не сдержал слово, и меня за нарушение режима за два дня до последнего экзамена отчислили. Вернувшись в часть, я принес свои извинения командованию и с удвоенной энергией работал дальше.

Жизнь показала, что я не имею опыта работы с комсомольцами-сверхсрочниками. Их было мало, но нужно было учиться работать с ними. Многие из них были семейными и после службы торопились к семье, детям. С жильем у них было все хорошо, так как в то время государство заботилось об этом. Оставалось искать способы установить контакты с семьями. Надо было продумать совместный отдых, общение, и мы нашли выход. С начальником клуба продумали репертуар фильмов для детей по выходным дням, раз в месяц организовывали кинолекторий для членов семей военнослужащих. Народ был не против выезжать на природу. Через ЦК ВЛКСМ Туркмении я доставал приглашения на концерты, спектакли. Впоследствии понял, что надо идти дальше в работе со сверхсрочниками. Они были первыми на линии огня, сталкиваясь на зонах с вредной, опасной идеологией преступного мира. И здесь важно было правильно подбирать составы войсковых нарядов, исключая прямые контакты новичков с осужденными. Надо было выстраивать взаимодействие с оперативными работниками, обслуживавшими подразделение. Это очень сложный, болезненный вопрос, и в дальнейшем мне пришлось не раз столкнуться с нечистоплотностью данных сотрудников.

ГЛАВА 4. Работа офицера в повседневной жизни

В августе 1973 г. мне вновь пришлось работать в г. Мары, где к тому времени заместителем по политчасти был старший лейтенант Федотов, мой однокурсник по училищу. На второй день работы мне поступила команда штаба срочно выехать в Ташкент. Пришлось срочно постираться, погладиться, и ночным поездом я выехал в штаб дивизии. В голове роилась масса вопросов: зачем вызвали? куда хотят перевести? есть ли там жилье?

Прибыл в кадры, те направили к начальнику политотдела дивизии полковнику С. Н. Булычеву. Тот, сняв очки, внимательно посмотрел на меня и спросил: «Как дела?». Я честно рассказал о своих проблемах в работе с молодежью. Он сказал, что рад тому, что я оправдал его доверие, и командование имеет планы назначить меня заместителем командира батальона

воинской части 6642 в г. Навои. Начальник политотдела подполковник В.А. Таджикибаев просит меня на эту должность, так как хорошо знает меня по совместной работе.

Батальон был большим, около тысячи человек, как отдельная часть при штабе бригады. В штабе четыре роты и взвод служебных собак. Батальон был сложным по объему выполняемых задач. Охранял две колонии: одну общего и одну строгого режима, плюс охрана двух режимных объектов по линии среднего машиностроения. Офицерским составом батальон был укомплектован на 52%. Вся работа велась в звене «рота – взвод», сержантским составом. Изложив характеристику батальона, Булычев дал мне два часа для раздумий за обедом в чайхане, куда пригласил меня. Я все взвесил, позвонил жене в часть и дал согласие.

Через неделю я уже был в г. Навои Бухарской области. Меня с женой встретили и разместили в новой трехкомнатной квартире, в зале. Две другие комнаты были пока свободными. В доме напротив жил мой друг Валера Бармаков. Так мы снова оказались вместе. Командовал батальоном майор С. Чалей, начальником штаба был капитан Субханов. Батальон размещался при штабе в сборно-щитовых казармах, как и весь штаб бригады. Полный интернационал был и в ротном звене. Командиром первой роты был узбек, второй – казах, третьей – осетин, четвертой – русский, комбат – белорус, начальник штаба – узбек. Все четыре замполита рот были русскими, один из них – мой однокурсник по училищу. Встретил меня подполковник В. А. Таджикибаев. Заместителем у него был подполковник Крупенников, старшим инструктором оргпартиработы – капитан Дзех, выпускник ВПА имени Ленина. Коллектив был сплоченным. Бригадой командовал участник Великой Отечественной войны полковник Шпак. Он был очень уважаемым человеком как в дивизии, так и в главке: твердый, волевой, порой жесткий, но справедливый. Он прошел всю войну и очень ценил солдата, считая, что победитель – рядовой и к нему всегда надо относиться с заботой и уважением. Именно это было его отличительной чертой, как я убедился позже в работе с людьми.

Свою работу я знал хорошо, но надо было самоутвердиться, так как по возрасту среди командования батальона и командиров рот был самым молодым. Кроме того, на эту должность метил заместитель командира первой роты старший лейтенант Мирошниченко. Командир батальона четко распределил обязанности среди лиц командования. За мной были закреплены вторник, пятница, воскресенье. На два дня к 5.00 я должен был приехать в батальон вместе с офицерами, ответственными по ротам, и следить за выполнением распорядка дня до 21.00, а после отбоя убраться домой. В другие дни моя служба начиналась в 7.00 и заканчивалась в 20.30. Вторник и пятница – дни политзанятий, воскресенье – день отдыха и активной спортивно-массовой работы. Комбат отвечал за понедельник, четверг и субботу. Правда, иногда он отдавал субботу начальнику штаба, а среду брал на себя.

Объем службы был велик, за сутки надо было проверить два суточных объекта: охрана ИТК и 28 выводных объектов. Транспорта не хватало. В батальоне имелся один семиместный «ГАЗ-69», и один автозак выделялся для проверки службы. От такой физической нагрузки без привычки у меня поднималось давление, ноги в сапогах болели, а постоянное недосыпание отражалось на семейных отношениях, особенно после рождения дочери в 1974 году. Я не мог активно помогать жене по хозяйству и заботиться о дочке. Но надо было все пережить, ведь у меня была цель поступить в ВПА им. Ленина. Я пристально наблюдал за стилем работы командира батальона. Он все больше рос в моих глазах не только как командир, но прежде всего как человек. Восхищали его умение строить отношения с подчиненными, требовательность к себе и другим. Он не хитрил, был прямолинейным человеком. Если срывался, то быстро отходил, и мы сразу прощали его. Мы подружился семьями.

Позже я заметил, как изменилось отношение ко мне офицеров ротного звена. Я видел, что два командира рот, первой и третьей, имеют слабость выпить бутылочку водки или пива, чтобы снять усталость после службы. Командир четвертой роты Падерин и его заместитель капитан Гаврилов вели скрытный образ жизни и в свою жизнь никого не пускали, так как у них

были проблемы в семейной жизни. Командир второй роты капитан Куанжанов был хорошим семьянином, позже мы стали соседями и дружили семьями.

Конечно, приехав в Навои, я обрадовался, что буду служить рядом с другом Валерой. Он жил в отдельной квартире, а я целый год жил в трехкомнатной, где моими соседями стали подчиненные. Это были две молодые семьи. Конечно, жить было сложно, неудобно, тесно, все три семьи испытывали желание быстрее разъехаться.

Передо мной стояла задача найти подход к политработникам рот. Замполит первой роты капитан Мирошниченко спал и видел себя слушателем академии, обижался, что его не повысили в должности. Я решил начать работу именно с ним, о чем поставил в известность командира батальона. Тот предупредил меня, что Мирошниченко обидчив и чуть что – сразу пишет жалобы. Я взял на контроль организацию и проведение всей политико-воспитательной и индивидуальной работы, изучив взаимоотношения в звене «офицер – сержант – солдат». После чего провел индивидуальные беседы с каждым офицером, указав им на ошибки в работе с подчиненными. Это позволило мне лучше узнать подчиненных.

У командира были проблемы с семьей, так как не было детей, и он очень сильно переживал это. За внешней грубостью в нем скрывалась тонкая и нежная натура. Он был вспыльчив, но отходчив.

Один из командиров взводов давно перерос в должности, потерял интерес к службе и не скрывал этого. Частенько напевал песню: «Как надену португею, все тупею и тупею».

Надо было решать кадровые вопросы. Вместе с комбатом мы пришли к выводу, что замполита надо будет отпустить в академию, подписав ему рапорт, командира взвода назначить заместителем командира роты по контролерской службе, чему он обрадовался, так как устал от работы с солдатами срочной службы. Новая должность давала возможность выйти на новый уровень взаимоотношений в звене «сверхсрочники – осужденные – руководитель ИТК».

Работая в данной роте, я познакомился с начальником ИТК общего режима капитаном Карповым. Он был вдумчивым начальником. Имея экономическое образование, сумел трудоустроить осужденных, открыть новые рабочие места. Особенно удачным было открытие художественного цеха, в котором использовался местный материал с территории ИТК. Здесь росло много белых тополей, их пилили толщиной до 2 см, затем обрабатывали и изготавливали поделки, которые я и сейчас часто встречаю в магазинах.

Работая в ротах, ежедневно замечал, что командир бригады полковник Шпак внимательно изучает меня, мое отношение к подчиненным. Он завел очень важную традицию в части: главное – это солдат с ружьем. Каждое утро в 7.00 оркестр провожал караулы на службу и с 17.00 до 18.30 встречал в любую погоду. Все офицеры батальона должны были быть во дворе городка и встречать солдат со службы. Медики изучали состояние их здоровья, тыловики шли в столовую, службисты проверяли качество службы, офицеры штаба помогали принять оружие и боеприпасы. Политработники получали от актива караулов и войсковых нарядов информацию. Комбриг строго следил за тем, чтобы территория военного городка была чистой, ухоженной и радовала глаз. Все аллеи были выбелены, газоны между тротуарами и садовыми бордюрами подстрижены, земля вокруг деревьев засыпана битым кирпичом. Комбриг лично проходил по городку в часы съема караулов, заглядывал в кабинеты, и не дай бог, если там находился офицер, который не встречал бойца со службы.

Солдаты, сдав оружие, помыв руки, шли на ужин, после чего начиналась боевая и политическая подготовка. Мне было сложно понять, как можно о чем-то говорить на этих 40–50-минутных занятиях, где солдаты сразу засыпали от постоянного недосыпания и больших физических нагрузок. Ведь им надо было целый день стоять на вышке на 50-градусной жаре. Подменный выделялся на 3–4 поста. Солдаты так уставали, что не видеть этого мы не могли. Помещений для занятий не хватало, на четыре роты было две ленинские комнаты.

Поработав в первой роте, я набросал эскизы для оформления ленинской комнаты, согласовав с командованием роты и утвердив у комбата. Через начальника штаба организовал заготовку необходимого материала: бетонной крошки для пола, фанеры, красок, клея и т. д. С боем вырвали со службы двух военнослужащих и приступили к работе. Через три недели все сияло. Нашу работу изредка, набегамии контролировали комбриг и начальник политотдела бригады. Бетонный пол охлаждал воздух, в ленинской комнате стало прохладно. Все сразу оценили это. Также мы переоформили ленинскую комнату третьей роты.

Работая в батальоне, я видел, как важно создать здоровые отношения в коллективе, особенно в караулах и войсковых нарядах, с учетом постоянного воздействия на личный состав осужденных. Ведь каждый конфликт в карауле, где все вооружены, мог привести к тяжелейшим последствиям.

В это время, в начале 80-х годов, в армии зародилась дедовщина. Сначала она проявлялась в мелочах. Например, при чистке картофеля в столовой, где старослужащие заставляли выполнять эту работу молодых солдат. Или в суточном наряде перекладывали часть своих обязанностей на младших товарищей. Иногда этим злоупотреблял сержантский состав. Узнав о таких фактах издевательства и глумлений, комбат был очень суров и справедлив. Он завел железное правило: всех, кто был замечен в этих злодеяниях, подвергал публичному осуждению и наказанию. Выстраивал на плацу весь личный состав, выводил на середину плаца «отличившихся», объяснял суть случившегося и на глазах всего личного состава заставлял принести извинения. Кто не выполнял, заставлял отжиматься от пола, ходить вокруг плаца вприсядку. После этого объявлял, что названные им казарменные хулиганы будут уволены 31 декабря в 23 часа 45 минут. И он делал это, и это заставляло многих подумать, прежде чем совершить что-то подобное.

С пьяницами мы поступали другим способом. Разбирались, откуда взяли деньги на спиртное. Если выслали родители, то сообщали им, зачитывая эти письма перед строем. Пьяную речь записывали на магнитофон, готовили злую радиогазету и включали ее вместо радио. Это было действенным средством, влияющим на повышение качества службы, привитие ответственности за ее результаты. Приведу лишь один пример. Работая в первой роте, как я уже говорил ранее, я познакомился с начальником ИТК и начальником строящего военного объекта. Мы договорились с ними о встрече с личным составом на тематическом вечере «Наша служба почетна и трудна», где просили поощрить лучших военнослужащих, несущих службу на их объекте. На встречу пригласили комбрига как участника Великой Отечественной войны. Вечер начали с прослушивания замечательной песни «С чего начинается Родина». В это время на экране демонстрировались отрывки фронтовой хроники. О тяжелом солдатском труде в годы войны рассказал комбриг. После чего прозвучала музыкальная радиогазета, а на экране появились лучшие военнослужащие батальона. Затем выступил начальник ИТК, рассказал, как достигается надежная охрана объекта, доложил о результатах хозяйственной деятельности и вручил подарки. Когда он завершил свое выступление и вручение подарков, увидел военнослужащего – часового КПП, извиняясь, снял свои наручные часы и вручил солдату за хорошую службу. Зал взорвался аплодисментами. Начальник строящегося объекта также поблагодарил солдат и сержантов и добавил к поощренным офицеров роты. После их выступления мы показали художественный фильм о городе Навои «Есть такой парень». После этого вечера комбриг с начальником политотдела собрали командиров рот и их заместителей и поставили в пример работу командования батальона. Вскоре в часть приехала группа офицеров из журнала ВВ МВД РФ «На боевом посту» для обобщения и пропаганды нашего опыта.

Время шло быстро, мы получили пополнение офицерских кадров, сразу пять человек. Это была большая помощь. Мы их встретили, разместили, закрепили наставников. За год службы двоих из них назначили заместителями командиров рот по политчасти, один женился на медсестре из санитарной части, позже женились и другие. Свадьбу организовывали с раз-

махом. Ведь г. Навои – молодежный город, средний возраст жителей – 28 лет. Город молодой, красивый, его можно было пройти по диагонали за 20–25 минут. По Навои ходили по кругу два маршрутных автобуса. Украшением города было искусственное озеро площадью 320–360 га. Это было излюбленное место отдыха горожан. Выделялся Дворец искусств, где часто выступали артисты и ВИА. Кафе и ресторанов было немного. Одно из кафе мы выбрали для свадьбы. Оно размещалось на кольце. Как всегда, офицеры сбросились на коллективный подарок. Чтобы не было обиды, кто останется с горячо любимым личным составом, бросили «армянку». От командования батальона мы с начальником штаба загрузили в «ГАЗ-69» наш общий подарок и поехали в кафе. Выгрузили подарок, занесли его в гардероб, осмотрелись, знакомых лиц не встретили и пошли на второй этаж.

Свадьба уже началась. Нас с подносом, выпивкой и закуской сразу встретили сваты с украинской земли и под руки усадили за стол. Сразу налили по второй, мы выпили, но, увидев молодых, поняли, что попали на другую свадьбу. Подозвали сватов, объяснили, что ошиблись, и попытались тихо, по-английски уйти, но у нас ничего не вышло. Выход перегородила молодежь с подносами, и нас снова заставили выпить за молодых. Когда спустились вниз, свадьба уже началась, и нас снова ждали сваты, опять же с Украины. Мне предоставили слово. Я, как и положено, поздравил молодых от лица командования бригады и батальона. Комбриг выписал молодому офицеру Полякову хорошую премию, а мы вручили стиральную машину. Веселились вместе со всеми. Через час поняли, что надо покидать свадьбу: от самогона, выпитого на втором этаже, нам стало жарко, хотелось выйти на свежий воздух. Уехать из кафе уже было не на чем, автомашину мы отпустили. Но нам повезло: мимо проезжал военный комендант гарнизона, увидел нас, согласился развезти по домам.

В гарнизоне кроме нашей бригады стояла бригада строителей, которая сооружала военные объекты под землей. Недалеко от города, рядом с мощнейшим бетонным заводом, стоял еще один батальон под номером три, взводного состава. Комбатом был майор Пивень, земляк комбрига. Его замом по политчасти был капитан Михуткин. Про их батальон в дивизии ходила масса всяких баек, взятых из жизни.

Расскажу об одном невероятном случае, произошедшем у них в батальоне. Там служил командир взвода, который увлекался выпивкой. Комбат выпускал его в город очень редко, он жил в общежитии при батальоне. Однажды, находясь в городе, он выпил и пошел в барак к знакомой женщине. У нее он обнаружил подвыпивших друзей. Между ними возникла ссора, его избили и оставили в комнате одного. Придя в себя под утро, избитый до крови, он выполз в общий коридор, где его заметили жильцы общежития и вызвали «скорую». Дежурный врач решил, что он мертв, и отвез в морг. Там его приняли, уложили рядом с покойниками. Офицер замерз, пришел в себя, начал стучать в дверь, но никто не открывал, пока не пришла уборщица. Открыв дверь и увидев живого «мертвеца», женщина упала в обморок. На ее крик прибежали санитары. В одежде «мертвеца» они обнаружили удостоверение офицера, сообщили в комендатуру, те – дежурному по бригаде. Из морга его отвезли на гауптвахту. Отсидев пять суток, он вернулся в батальон, осознал на офицерском суде суть допущенного и поклялся не допускать подобного впредь. Суд снял с него звездочку.

Тогда в стране только разворачивалась всесоюзная комсомольская стройка на БАМе. Он решил реабилитировать себя, собрал взвод, поговорил с личным составом, заставил всех написать рапорты с просьбой послать на стройку. Поверх этих рапортов он положил свой рапорт и прибыл в штаб бригады. Попав на прием к комбригу по личному вопросу, он едва унес ноги, так как тот пришел в ярость от такого вида инициативы.

Случались и другие казусы в этом батальоне. Они были у всех на устах, но никто не говорил плохо о командовании батальона, отделяваясь шутками и насмешками.

Служба продолжалась, я все больше втягивался в нее и стал своим человеком в офицерской среде бригады. Примерно в 1974 г. мне и комбату Москва предложила повышение: долж-

ности командира отдельного батальона и его заместителя в г. Шевченко. По численности часть была такой, как наш батальон, только рот было не четыре, а семь. Мы подумали и отказались.

В августе меня назначили старшим офицером политотдела бригады. Комбат получил звание подполковника, начальник штаба – майора. Батальон разбили на два, по пятьсот человек каждый. В это время я активно сотрудничал со СМИ ВВ МВД СССР: журналом «На боевом посту», армейской газетой «Красная звезда», под псевдонимом Алексеев. Анализируя свою работу, я находил узкие места, изучал их, применял новые формы и методы по их устранению.

Помню одну из статей: «Письма бывают разные». К изучению этой проблемы меня подтолкнули несколько случаев из жизни. Работая с молодыми призывниками, я видел, что в армии солдат очень тоскует по родным и близким, друзьям, знакомым, любимым. Письма на родину, обмен здоровой информацией помогают каждому из них чувствовать плечо родных и близких. Как правило, переписка ведется с пятью-десятью адресатами, затем поток сокращается. После шести месяцев службы переписка ведется уже с двумя-тремя адресатами: родителями, подругой, другом. К концу службы переписка затухает, наступает «дембельский синдром». Все мысли солдата нацелены на возвращение домой: как устроить свою жизнь, с чем он столкнется на гражданке. Теперь уже родители пишут в часть: что случилось, почему нет писем?

В своей статье я написал и о том, чего не хотел бы читать солдат в письмах от родных и близких. Особенно о трагических случаях в семье, измене или замужестве его девушки и т. д. Получив такое известие, не все и не всегда справляются с этим. В моей практике было много трагедий, приведших к тяжелым ЧП: одни топились, другие прыгали со второго этажа, третьи стреляли себе в ногу... Приведу лишь несколько примеров.

Как-то в часть прибыл солдат из неполной семьи: отца не было, мать гуляла, нарожала одиннадцать детей, которые были ей не нужны. Получив письмо от друзей, солдат узнал, что его братья и сестры сданы в интернат, а мать снова в запое и загуле. Он пришел в сильное возбуждение, написал записку, что в жизни он никому не нужен. Лишь счастливый случай не привел его к самоубийству.

Помню, когда служил в г. Иванове, произошел такой случай. В армию прибыл солдат из неполной семьи, который встречался с девушкой также из неполной семьи. Родители работали по сменам, и, когда их ночные смены совпадали, дети предавались чувствам. Кончилось это беременностью. Узнав о случившемся, теща убедила будущего зятя, что ее дочь родит двойню и он служить не будет. Эта мысль постоянно сквозила в переписке. Солдат ждал, а будущая жена все не рожала, лишь писала, что обязательно будет двойня. Однажды зимой он заступил в караул по охране военных складов далеко от города, в сосновом бору. Переживая о будущей встрече с женой и ребенком, не справился со своими мыслями и решил ускорить процесс возвращения: снял автомат с плеча, приставил ствол АКМ к правой ноге в валенке и нажал крючок. На выстрел прибежал начальник караула со сменой. Принесли его в караульное помещение, сняли валенок и увидели, что пуля попала между двумя большими пальцами ступни. Пострадавшему оказали первую помощь.

Сигнал о случившемся я получил от дежурного по части. Приказал вызвать начальника медчасти и вместе с ним выехал к месту происшествия. Солдат плакал и твердил, что он «скоро будет дома». Я сказал ему, что это не так, что его могут посадить за членовредительство. Было возбуждено уголовное дело, в часть приехали родители потерпевшего, а через несколько дней у невесты случились преждевременные роды. На свет появилась девочка. Узнав, что у него не двойня, солдат отправил письмо будущей теще, что она искалечила ему и ее дочери жизнь и по возвращении он ее убьет. Солдата осудили на 6 месяцев дисбата. Он дослужил и уволился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.